

Для чего мы живем?

Д. Г. Беннет

предисловие А. Л. Стэвли

перевод с английского А.В.Богданова

Spiritual Classics Editions

Издательство классических духовных произведений BENNET BOOKS печатает работы, поддерживающие духовное развитие. Для тех, кто искренне ищет «реальный мир человеческого существования», они будут иметь длительную ценность. В самом полном смысле слова это «работающие» книги – дающие практическое руководство для углубления нашего понимания человеческого существования, для продвижения по пути трансформации и для достижения непосредственной связи с духовным миром.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Издательство BENNETT BOOKS (Беннет букс) посвящает эту публикацию всем тем, кто постоянно задаётся вопросом о значении и смысле жизни в наше сомнительное время. Конечно, очень немногие это делают, ведь силы самодовольства сильны и работают против нас. Мы живём в мире, находящемся на грани исчезновения, и всё же человеческий потенциал никогда не был так велик. Наше время требует делать акцент на коллективных действиях вместо индивидуальных, поскольку для актуализации подлинного нового мира нужны именно такие действия вместо прежних отношений типа ученик – учитель.

Беннет Букс издаёт материалы, отражающие работу тех, кто услышал призыв к необходимости сотрудничества и устоял перед современными разделяющими силами. Они – наши реальные друзья.

– Издатель

Внутри каждого человека,
в любом из нас,
есть нечто неправильное и
требующее срочной замены.
Поэтому прежде чем сможет
измениться общество,
которое мы создали,
должно произойти внутреннее
изменение
у достаточного числа индивидуумов,
которое и начнет восстанавливать
баланс.

Госпожа А. Л. Стэвли (A. L. Staveley) (из Предисловия)

Почти у каждого мыслящего человека время от времени сжимается сердце. И в эти моменты – а они, думаю, чаще всего случаются посреди ночи, когда смотришь в темноту – говоришь себе: «Необходимо что-то сделать. Я не знаю, что именно, но моё время уходит, а я этого не делаю». Но, несмотря на странное ощущение, что где-то внутри самого себя есть знание того, «что нужно сделать», решение не приходит. Мы забываем о том, что сердце чаще напоминает нам о проблемах общечеловеческих, а не о телесных, и подменяем их заботой о беспокоящих нас задачах повседневной жизни.

В книге «Для чего мы живём?» Джон Беннет не только даёт ответ на этот вопрос, который, по его словам, может удовлетворить и наши умы, и наши чувства, но также ясно и точно объясняет, почему мы, – люди – таковы, какие есть, почему мы никогда не смотрим правде в глаза, и в чём состоит эта правда. В заключение он показывает, что есть только один выход: те самые ворота и узкий путь, о котором говорил Иисус, все великие Учителя, мессии и пророки прошлых веков, и которые человечество постоянно игнорировало. На этот раз выход основан на учении Г. И. Гурджиева.

Гурджиев принёс новый взгляд на бедственное положение нашего мира и показал, как можно реально посмотреть на самих себя, на землю, где мы обитаем, и на мир, который мы создали. Его учение адресовано современному человеку и говорит с нами на языке двадцатого столетия, а не языком 2000-летней давности. К нашему счастью Беннет «имел уши, чтобы слышать». Эта книга была написана в последний год жизни Гурджиева и была издана в Лондоне в 1949 году, в год его смерти. В период с конца второй мировой войны до самой смерти Гурджиева Беннет получил лично от него огромную дозу сконцентрированных идей, поскольку Гурджиев рассматривал его как наиболее способного к проведению своих идей в мир. Эта книга явилась одним из первых плодов понимания этих идей и оказалась особенно своевременной, поскольку первые собственные труды Гурджиева стали доступными читателю намного позже.

Беннет пишет во введении: «Я написал эту книгу с единственной целью – показать, что есть задача, кажущаяся невыполнимой, но совершенно необходимая для дальнейшего благополучия человечества, и она может быть выполнена. Этой «задачей» является установление баланса между внутренней и внешней жизнью человека, баланса, который был разрушен по многим причинам, но в основном из-за ошибок так называемой западной цивилизации. Я имею в виду неравенство между могуществом человека при его действиях во внешнем мире и его способностью управлять самим собой, которое проявлялось уже так часто, что сделалось банальным и даже раздражает. Трюизм об опасности давать заряженное оружие в руки ребёнка, многократно произносившийся после каждой из недавних мировых войн, теперь перестал привлекать внимание. Мир отложил мысли о собственной незрелости и деловито занял разработкой такого мощного оружия, каким не смел бы обладать даже мудрый человек...»

В 1949 году, сразу после ужасов Второй Мировой войны, многие люди задавались вопросом о смысле или бессмысленности своей жизни в связи с только что оконченной войной и ощущением приближения новой. Мир оказался в состоянии хаоса и без сомнения стал значительно хуже, но люди, как и сейчас, очень смутно представляли, что главный ключ от этого хаоса лежит внутри них, в самом

человеке, совершенно не желающем честно посмотреть на этот факт, не говоря уже о своём предназначении в целом. Большинство людей тогда, как и ныне, хотело забыть хаос, анархию, угрозы, – забыть всё, кроме желания сделать свои собственные маленькие жизни более удобными, безопасными и процветающими (возрастной этап «сначала Я»). В главе 1, «Человек – мыслящее животное или разумное существо?», Беннет пишет: «... так уж случилось, что в тот момент, когда я пишу, мы проходим через состояние, присущее всему миру, и выражающееся в нежелании думать о реальности». Позже он говорит, «Везде, где бы я ни был, я поражаюсь распространённости болезни под названием «мы надеемся на лучшее»».

В наше время всё по-прежнему, хотя многие лично и всерьёз соприкасаются с деталями тяжёлой обстановки в мире: с ущербом, нанесённым планете, с голодающими или бездомными людьми, с исчезающими видами животных, птиц и растений и так далее. Нужды, которые действительно надо осознать и понять, далеки от этих деталей, несомненно важных самих по себе. Необходимо взглянуть гораздо глубже. Внутри каждого человека, в любом из нас, есть нечто неправильное и требующее срочной замены. Поэтому прежде чем сможет измениться общество, которое мы создали, должно произойти внутреннее изменение у достаточного числа индивидуумов, которое и начнёт восстанавливать баланс.

Сейчас есть признаки того, что в мыслях людей, то здесь, то там, начинают всё больше появляться новые веяния. Самодовольство некоторых из нас сломалось при взгляде на то, к чему мы привели мир. Больше уже нельзя пассивно «надеяться на лучшее», оставаясь такими, какие мы есть. Так что же могло бы привести нас к реальной смене ценностей и жизненного уклада? Что именно надо изменить в нашем мышлении и чувствах, или даже в нашей сущности?

Переиздание книги в этом, 1949 году, актуально. Это первый бескомпромиссный и прямой взгляд на ту страшную ситуацию, в которой мы – человечество – оказались, и путь, предлагаемый Беннетом, достаточно прост и лишён истерии. Он исследует те части общества, те направления нашей жизни, которые могли бы (хотя бы теоретически) помочь нам, и видит три института, оказывающие существенное влияние на нашу цивилизацию.

Во-первых, – образование: каждое новое поколение начинает с плохого старта или вообще ни с какого. Взрослое поколение может передавать новой восприимчивой мозговой системе каждого ребенка только то, что оно само получило. Беннет пишет, что имеется «обязательное правило, согласно которому каждое поколение должно подготовить следующему таких детей, которые стали бы ответственными существами, способными к объективным суждениям и понимающими, что за всё настоящее (а не мнимое) надо платить». Похоже, что современных родителей и преподавателей это правило нисколько не гнетёт. Они *даже не видят необходимости* в нём. Тем не менее, постепенно возрастает понимание того, что в том, как учат детей, есть очень много неправильного.

Во-вторых, – наша вера в науку и прогресс: мы цепляемся за эту веру даже перед лицом реального ухудшения качества жизни и неудачи науки в обеспечении нас – раз уж она претендует на это – надёжным знанием о нас самих и о мире, в котором мы живём.

В-третьих – религия: из всех влияний, которые могут способствовать различению Человека от просто «мыслящего животного», религия теоретически наиболее сильна. Однако, на деле всё не так. Жизни людей, проповедывающих любую из великих мировых религий, нисколько не соответствуют учениям их основателей – Иисуса ли, Моисея, Будды, или Магомета. Обычно официальная религия населения носит скорее политический, чем религиозный характер.

Само собой разумеется, конечно, что во всех мировых религиях имеются набожные исключе-

ния – люди, серьёзно старающиеся следовать учению их основателя. Но в целом в мире религия имеет очень слабое влияние на жизнь людей, оно не эффективно. Часто говорят, что религия потерпела неудачу. Это не так. Религию погубило человечество. Все религии в исходном виде говорят о том, что должен делать человек, и для него нет иного пути, как выполнить это.

Давайте вернёмся к вопросу приходящему ночью: что-то я должен сделать, но я забыл, что именно. Что же это? Постоянно помнить об этом и искать ответ не очень приятно. Поэтому каждый забывает, что этот вопрос имеет исключительную важность, и снова возвращается к «надежде на лучшее». Так проходят годы, и в конце человек может спросить, имело ли всё это отношение к жизни?

В последней главе Беннет упоминает слова Иисуса, «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душу свою потеряет?» Иисус говорит ясно, что душа может быть обретена или потеряна. Но современный человек либо забыл, что имеет душу, твердо полагая, что её нет ни у кого, либо уверен, что душа есть нечто бессмертное, данное раз и навсегда. Гурджиев говорит иными словами то же самое: мы имеем только возможность, потенциальность души и должны её заработать. Если мы не заработаем её и умрём с нашим неосуществлённым потенциалом, смерть окажется настоящим концом, как это происходит с животными.

По мнению Гурджиева проживая наши жизни, мы зарабатываем или теряем наши души, поэтому он называет человека самосозидающим существом. Человек – единственное создание, имеющее возможность выбора, выбора, будет ли он жить и умрёт мыслящим животным, как умирают в конце концов все животные, или же собственными усилиями создаст в себе нечто реальное и нерушимое.

Что же касается нашего несчастного мира, то он идёт таким путём, каким идёт, поскольку мы таковы, какие есть. Такова ситуация, что тут можно изменить?

Г-жа А. Л. Стэвли
Ферма Двух Рек, Орегон, июнь 1991

А. Л. Стэвли жила в Англии более тридцати лет, и встретила там Джейн Хип (Jane Hear), вместе с которой стала изучать идеи Гурджиева. В 1946, в конце Второй Мировой войны, она со своими учениками съездила в Париж, чтобы поучиться под руководством самого Г. Гурджиева, и продолжала эти поездки до самой его смерти в 1949 году.

Сейчас госпожа Стэвли живёт в сельском Штате Орегон. Там, вместе с несколькими другими людьми, она изучает идеи Гурджиева, применяя усвоенные идеи в практической деятельности на своей ферме.

Я написал эту книгу с единственной целью – показать, что есть задача, кажущаяся невыполнимой, но совершенно необходимая для дальнейшего благополучия человечества, и она может быть выполнена. Этой «задачей» является установление баланса между внутренней и внешней жизнью человека, баланса, который был разрушен по многим причинам, но в основном из-за ошибок так называемой западной цивилизации. Я имею в виду неравенство между могуществом человека при его действиях во внешнем мире и его способностью управлять самим собой, которое проявлялось уже так часто, что сделалось банальным и даже раздражает.

Трюизм об опасности давать заряженное оружие в руки ребёнка, многократно произносившийся после каждой из недавних мировых войн, теперь перестал привлекать внимание. Мир отложил мысли о собственной незрелости и деловито занят разработкой такого мощного оружия, каким не смел бы обладать даже мудрый человек. И никто не сможет отрицать, что в деле упорядочения человеческих отношений мы не добились прогресса, адекватному нашему прогрессу в сфере возможностей нанесения вреда и уничтожения друг друга.

Другой трюизм, отражающий многолетний опыт человечества, состоит в том, что никакая организация не может работать лучше, чем могут люди, входящие в неё. Как древний, так и современный опыт убеждают нас, что улаживание человеческих дел не может быть поручено никакой организации, если её работа зависит от людей, которые сами – рабы эгоизма, тщеславия, амбиций, жажды власти, подозрительности, недоверия, пристрастий, предубеждений и всех других сил, действующих, как легко видеть, в любой группе людей во всём мире независимо от нации, расы или убеждений.

Очевидная безнадёжность ситуации состоит именно в том, что хотя нам по силам изобретение любого механизма, мы не в состоянии создать свободное и беспристрастное существо, способное к рациональному поведению – то есть *человека*. Никакие увещания, обещания или угрозы не могут побудить людей к рациональному поведению, пока они не свободны внутри. Этот, казалось бы, очевидный и простой факт никто не берёт во внимание. И выходят книга за книгой, произносятся проповеди за проповедью, одна политическая декларация за другой, но все останавливаются в одной и той же точке: когда необходимо объяснить, каким образом можно изменить природу человека.

Было бы несправедливо сказать, что не было никаких попыток пройти эту точку, но стоит посмотреть, куда они были направлены, и в каком направлении можно было бы ожидать успех. Первое направление можно назвать религиозным оптимизмом. Оно основано на убеждении, что в учении и практике того или иного религиозного института есть такая сила, что стоит только привести людей в более близкий контакт с ней, как она вызовет необходимые изменения. Если это было бы правдой, не нужно было бы писать эту книгу.

Каковы неотвратимые факты? Ислам существует 1200 лет, христианство – почти 2000, буддизм – около 2500, а иудаизм еще древнее. Учения всех религий почти одинаково говорят о важности внутренней жизни человека. Каждое из них было оформлено таким образом, чтобы усилить и систематизировать суть своего сообщения миру. Тем не менее, нет никакого намёка на то, что за прошедшее время люди стали лучшими христианами, более набожными мусульманами, более преданными учению Гаутамы или Моисея.

В каждой из этих религиозных общин время от времени появлялись великие святые, что оживляло ненадолго веру и религиозную практику. Были периоды, когда святые признавались ещё при жизни, но стоит со всей серьёзностью спросить, каков сейчас шанс появления настоящего святого в любой из религиозных общин мира.

Учитывая спад религиозной веры и наличие мощных сил, которые не столько активно враждебны к религии, сколько высокомерны к ней (у них нет даже стимула для религиозного преследования), мы вынуждены заключить, что религиозный оптимизм, предполагающий, что уже работающих в мире религиозных сил достаточно, чтобы вызвать изменение в человеческой жизни, является необоснованным и нереальным. Он сразу же ломается, когда надо показать, какими должны стать люди, чтобы жить и действовать в соответствии с их религиозными учениями.

Основатель христианства говоря «как имеющий полномочия, а не как книжник», сделал пророчество, весь трагизм которого становится ясным только спустя 2000 лет. Он сказал: «Всякий, кто слышит Мои слова и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».

Христиане сделали много замечательных вещей, но в своих действиях они не следовали словам Христа: дом христианства упал и не может быть восстановлен. То же самое относится и к исламу, хотя, может быть из-за менее строгих требований к непорочности человеческой природы, предписания Магомета всё ещё соблюдаются более честно, чем в учении Христа.

Я получил сильное впечатление в прошлом [1948] году, когда посетил Омдурман (Omdurman), один из немногих городов мира, полностью населённый мусульманами, и увидел, с каким пылом весь город прекратил работу для совершения вечерней ритуальной молитвы. К сожалению, в большинстве частей мира слово мусульманин имеет скорее политическое, чем религиозное значение. Это справедливо, увы, и для религии Моисея и еврейских пророков.

Были ещё времена, когда звание «индус» было признаком того, что человек имел веру, стойкую к насильственному обращению в религию захватчика, и способную выдержать преследование за это сопротивление. Даже когда появился по настоящему святой во многих отношениях человек, призванный привести Индию к возрождению, он не смог освободиться от политических следствий религиозного конфликта. Буддизм, который потребовал больше сторонников, чем любая другая религиозная система в мире, выполнил лишь совсем очевидное пророчество своего основателя о том, что в течение пятисот лет его последователи расколются на противостоящие друг другу секты, а через тысячу лет потеряется и сама суть учения.

«Всякий, кто слышит Мои слова и не исполняет их» звучит как обвинение, адресованное всем религиозным системам мира.

Реакция против религии приняла форму отказа от веры в то, что вообще можно хоть что-нибудь *сделать* (или хотя бы достойно распространения) в области внутренней жизни человека, и к перемещению ставок на внешние организации. Гуманизм есть явное или неявное принятие человека таким, каков он есть, плюс утверждение, что этим «человеком каков он есть» может быть выполнена задача по обеспечению благополучия человечества.

В некоторых своих проявлениях, от социальных соглашений до материнской заботы государства, гуманизм основан на предположении, что люди от природы хороши и, если их не испортить неправильными формами внешней организации, способны жить счастливо и плодотворно в гармонии

друг с другом. Другое проявление гуманизма основано на более циничном взгляде на человеческую природу, рассматривающем людей как беспомощную, или даже потерявшую надежду, массу и поэтому нуждающуюся в авторитетном руководстве просвещенного меньшинства. В обоих случаях предполагается справедливость фундаментального постулата – что те, кто могут стать ответственными за работу любой организации, способны к мудрым и незаинтересованным действиям – постулата, которому противоречат исторические факты и весь наш современный опыт. Я говорил выше, что все предложения по улучшению ситуации, в которой оказалось человечество, застревают в той точке, где становится необходимо объяснить, как должны измениться люди. Гуманизм использует смешные средства – игнорирование главной проблемы и надежду на лучшее.

«Надежда на лучшее» является признаком постоянной болезни человечества – неспособности воспринимать факты. Эта болезнь всегда была с человеком, но, видимо, никогда не была столь опасна как в настоящее время. Одно из последствий болезни – то, что, когда совершенно необходимо сделать что-то трудное или неприятное, люди сразу начинают заниматься выполнением чего-нибудь совсем другого и закрывают глаза на то, что реальная проблема остаётся нерешённой. Описание природы, причин и возможных средств лечения этой болезни – одна из основных тем нашей книги.

Философы, священники, серьёзные и претендующие на серьёзность писатели, и даже политические деятели говорили, что прогресс в нашем могуществе «управления природой» (как они говорят) должен сопровождаться соответствующим изменением в сторону способности людей жить и работать в гармонии друг с другом. Часто и вполне справедливо замечают, что эта проблема стала труднее с развитием методов связи, которые сделали мир меньше и привели нации и расы к более близкому контакту, чем в любом из предыдущих периодов зарегистрированной истории.

Проблема усилилась и из-за разделения труда, без которого не может существовать никакая современная экономическая система. Она стала неотложной после изобретения и разработки ужасных видов оружия разрушения. Она стала очевидной благодаря возрастанию подозрительности и непонимания между народами мира. Тем не менее, не было даже попытки её решить. Созданы мировые организации, изучающие любые мыслимые проблемы здоровья, образования, социального благосостояния, производства и распределения сырья и предметов потребления, проблемы, касающиеся политических организаций и средств ухода от войны. Но ни одна организация не изучает проблему человеческой природы и не пытается определить, существуют ли, и, если существуют, то какие именно средства способны гарантировать избавление человека от ныне существующей рабской зависимости от собственного эгоизма и всех её последствий и приближение к состоянию внутренней свободы, беспристрастности и мудрости, дающему ему только в этом случае право на гордое звание «человек».

Недавно в Лондоне группа инженеров и учёных начала исследование вопроса «Может ли психология помочь предотвратить войну?» Участие в опросе приняли представители различных школ психологической мысли и также нескольких организаций, созданных с целями типа содействия международной доброжелательности. Ознакомившись с анализом ответов, я, как и ожидал, нашёл, что почти все они касались влияния других людей, и хоть бы один взглянул на центральную проблему – изменения индивидуумом своего собственного внутреннего мира.

Я хорошо знаю, конечно, что педагоги-теоретики видят свою миссию в подготовке следующего поколения к более нормальному и гармоничному существованию, чем было у их родителей. Многие педагоги – вероятно, подавляющее большинство – станут утверждать, что их задача связана в не меньшей степени с вопросами «характера», чем с обучением различным видам навыков, необходимых для достаточно комфортного материального существования. Однако, как я попытаюсь

показать в главе 2, эта озабоченность вопросами характера в образовательном процессе полностью лишена любого практического результата и даже не является серьезной попыткой понять, что должен делать преподаватель или ученик для достижения каких-либо конкретных результатов. На самом деле системы образования, модные сегодня в большинстве стран, даже более пагубны, чем системы прошлого, отличаясь внедрением дурацких идей наряду с полным лишением способности к беспристрастным суждениям.

Если мы спросим себя, как может быть, что столь заметный диагноз наших неприятностей в терминах неравенства между нашими внутренними и внешними способностями не ведёт к какому-либо эффективному действию, мы найдём двойной ответ. Во-первых, никто даже не начинает попыток найти хоть какой-нибудь путь изменения внутренней жизни в тот довольно короткий период времени, когда ещё можно предотвратить надвигающееся бедствие. Этот провал, как я уже говорил, есть результат «надежды на лучшее». Во-вторых, бывает состояние, которое можно в равной мере назвать слабым оптимизмом или слабым пессимизмом. Оно переносит перспективу благоприятных событий в отдаленное будущее.

Так, некоторые люди говорят, что рано или поздно человечество, пройдя через ряд бедствий, вынужденно поймёт, что невозможно жить, базируясь на необузданном эгоизме. После очередной войны, после следующей или после энной, говорят они, мы наконец узнаем, что огонь эгоизма сжигает, и тогда человечество обретёт так называемое «мировое сознание» и станет способным жить под управлением своего рода мирового правительства.

Все подобные надежды разбиваются о скалу опыта. Человечество никогда не умело извлекать прибыль из любых уроков, как бы горьки они ни были, и есть вероятность, что серия разрушительных войн, законченных истощением, приведёт к полному вырождению человеческой расы, и до сих пор скрытая способность к всемирному сотрудничеству так и останется непроявленной. Фундаментальный принцип состоит в том, что всё хорошее приходит только в результате сознательных усилий и никогда – от действия случайных слепых сил.

Мы неумолимо возвращены к отправной точке, к необходимости изменения природы человека и к приоритетности этой задачи перед любыми другими работами, какими бы важными и срочными они ни казались. Нет другого выхода. Прогресс науки и техники нельзя остановить. Взаимное проникновение экономических и социальных систем, воздействие расы на расу и нации на нацию будет продолжаться и становиться всё интенсивнее. Сложность жизни будет расти, и соответственно будут расти требования к взаимной терпимости и пониманию людей. Это требование не может быть выполнено современными людьми и сохранится до тех пор, пока не будет предпринята и выполнена задача по хотя бы самому необходимому уменьшению эгоизма и его последствий. Пока я не сказал ничего такого, что не было бы сказано гораздо раньше, и притом лучше и сильнее. Мы всё ещё стоим на пороге с вопросом, заданным Никодимом¹. Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос (с учётом современной обстановки в мире) мне необходимо подчеркнуть одно различие, без понимания которого будет потеряна весь смысл того, что я собираюсь сказать. Мы должны уметь отличить реальное изменение от фиктивного.

Изменение, приходящее снаружи, являющееся результатом внешней тренировки, обучения и дисциплины, является фиктивным. Человек – весьма внушаемое животное и способен дать замечательную реакцию на повторяющиеся внешние впечатления. Его рефлексy можно формировать.

¹ См. Евангелие от Иоанна, Гл.3, 4-9

Стереотипы его поведения могут определяться и определяются его образованием, обычаями окружающей его среды и многообразными страхами, которыми окружает его жизнь.

В настоящее время все эти факторы воздействуют на человеческую психику почти исключительно как яды. Даже если их можно было бы изменить так, чтобы они больше не производили свойственные им вредные влияния, человек всё равно по-прежнему остался бы бессознательным рабом своего эгоизма. Он по-прежнему не имел бы никакой защиты против деструктивных тенденций, которые автоматически возникают у существ, чьи желания опережают средства их удовлетворения. В этом смысле модификации поведения, вызванные внешними влияниями следует назвать лишь фиктивными изменениями.

Реальное изменение приходит изнутри, от сознательной работы, преднамеренно выполненной самим человеком. Только от такой сознательной работы могут прийти внутренняя свобода и беспристрастность, необходимые для гармоничного существования. Для многих людей различие, которое я сделал, не покажется очевидным. И это – первый камень преткновения на пути поиска средств, необходимых для обеспечения будущего благополучия человечества.

Даже те, кто понимает невозможность улучшения жизни одними лишь внешними методами, довольно часто возлагают свои надежды на воздействие на личность процессов образования и воспитания. Нет необходимости обсуждать подробно тщетность такой надежды, поскольку она опирается на внешние изменения в организации человеческих дел, а если признать, что никакая организация не может работать на благо, пока те, кто её составляет, не освободились, хотя бы в некоторой степени, от эгоизма, всякая возможность изменения исключена.

Все дегенеративные факторы (тщеславие, своеволие, предубеждённость, подозрительность и прочие) уже присущи лицам, ответственным за разработку и внедрение систем образования. Всё, что выливается из отравленного сосуда, должно содержать яд. История педагогики учит нас, что было испробовано множество средств «улучшения» людей внешними средствами, и все они потерпели неудачу, в том числе и те, которые используются в настоящее время в различных странах.

Всё это может лишь подчеркнуть трудность нашей задачи. Если человечество должно быть спасено, человек должен измениться. Но он не знает, как измениться и, что самое ужасное, особенно и не хочет. Он даже не знает, что значит измениться. Может быть он смутно понимает, что чего-то можно было бы достичь, приложив сверхусилия, но это идёт в разрез с его уже сформированными привычками и с внутренними импульсами.

Если он, к примеру, христианин, он может смутно чувствовать, что жизнь при точном и бескомпромиссном исполнении Нагорной проповеди перевернёт вверх ногами не только его жизнь, но и всю его природу. Поняв, что если бы он последовал по этому пути, то в его жизни не осталось бы ничего из того, к чему он привык, он свернёт на какой-нибудь другой жизненный путь, который больше сохраняет то, что он считает своими способностями и потребностями.

Упомянув Нагорную проповедь, я возвращаюсь к фразе из начала данного Введения, которая описывает нечто кажущееся невозможным и всё же совершенно необходимое, которое мы ищем. Мы можем начать с самоутешения мыслью, что кажущаяся нам невозможность обнаружить это «нечто» вполне понятна, поскольку этот путь не виден никому. Британский генерал-майор Джеймс Вольф завоевал Квебек в 1759 году, потому что французы, оставившие незащищённым утёс, считали, что взобраться на него невозможно. Приняв без серьезного исследования, что человеческая натура – упрямый факт, который должен считаться неизменным при любом плане действия, реформаторы оказались направлены на поиск выхода по кажущемуся надёжным, но фактически закрытому пути

социальной организации.

Дальше – лучше (или хуже). Мы должны искать средства достижения кажущегося невозможным изменения человеческой природы, но каким это изменение должно быть? Внутреннюю жизнь человека нельзя оторвать от тех, кто влияет на его состояние. Термин «вечная философия» (perennial philosophy), использованный впервые немецким философом Лейбницем по другому поводу, недавно вошел в моду и описывает древнейшую веру в то, что истинное благополучие есть благополучие духа. Эта вера в той или иной степени связана с идеалистической философией, утверждающей, что действительность принадлежит опыту, а не вещам. Она очень часто ведёт к некоторой форме квиетизма, т.е. ухода от внешнего мира во внутренний, где ищется мир и безопасность. Она считает страдание злом, которого надо избегать, или, в лучшем случае, средством, позволяющим достигнуть освобождения. Оно неприятно, но оберегает от погружения в беспокоящий мир.

Многое из того, что идёт под именем «мистицизм», имеет отношение к этой ориентации на внутреннюю жизнь. В последнее время слово мистицизм стало звучать почти как упрек и используется в виде антонима к понятию «здоровый смысл». Считается, что человек страдает ненаучным игнорированием фактов. Всё это выглядит довольно странно в связи с современными субъективистскими тенденциями философии науки. Многие выдающиеся ученые, бесспорно имеющие ортодоксальные взгляды, делали такие высказывания о природе реальности и формулировали такие принципы научной концепции мира, которые можно было бы перевести почти слово в слово на язык восточного мистицизма.

Впрочем, всё это не имеет никакого реального значения, поскольку никак не связано с проблемой изменения человеческой природы. Я только хочу обрисовать группу представлений, сильно отличающихся в деталях, но сходящихся в том, что в конечном счёте только субъективный опыт имеет значение.

Правда, такой христианский мистик как Майстер Экхарт сумел сказать «Если бы человек, достигнув экстаза, был поднят на седьмое небо и увидел, что такой же как он христианин нуждается в куске хлеба, я считаю, что он был бы обязан оставить свой экстаз и удовлетворить потребность этого человека». Ясно, что, говоря это, Экхарт считает мистиком человека, жертвующего своим благополучием ради выполнения акта милосердия. Здесь я хотел бы сказать о трудно различимых видах внутренней жизни. Можно заботиться о внутренней жизни ради собственной пользы, а бывает озабоченность внутренней жизнью, потому что её дефекты портят внешнюю жизнь. Имеется различие между живущим для собственной пользы и живущим ради полезных действий. Довольно странно, что это различие делается очень редко, а его важность даже едва ли понимается теми, кто интересуется этими вопросами, ведь это жизненно необходимо для нашей темы.

Нет такого решения (или в лучшем случае есть плохое решение) проблем страдающего мира, которое указало бы большинству людей путь к спасению.

Теперь открыта дорога для более определённых утверждений о том, что я подразумеваю под изменением человеческой природы. Я исключил оба реально возможных изменения. Первое ложное изменение вызывается внешними причинами без сознательной работы самого человека. Его можно назвать внешним изменением ради внешней цели. Второе ложное изменение – то, которое ведёт к внутреннему изменению без внешней цели.

Нет сомнения, что определёнными способами можно испытать мистический опыт и что этот опыт имеет исключительную важность и ценность для человека. Можно легко достичь его при помощи наркотиков или вследствие некоторых патологических состояний физического организма. Можно

в какой-то степени достичь его посредством некоторых специальных упражнений, типа тех, что можно найти в руководствах христианского мистицизма, или в тех, которые носят название йоги. В весьма значительной степени он может быть достигнут аскетической практикой, которая требует от личности полного отказа от всех других целей в жизни и обычно приводит к уединению в монастыре или в школе йоги.

Много можно узнать о святых мистиках, если внимательно изучить их жития и особенно автобиографии и сочинения. Мистический опыт никак не совместим с практичной внешней жизнью; в большинстве случаев те, кто достигли его, воспринимают усилия по передаче группе учеников своего личного опыта (в той мере, в какой те могут его воспринять) как обязанность. Как только опыт получен, естественные потребности и внешняя работа считаются только вторичными; такая практика является внутренней жизнью ради внутренней жизни или жизнью для себя.

Нет сомнения, что мистицизм такого рода сыграл большую роль в росте и развитии религиозных институтов, как это ясно показали, например, Вон Хюгель (Von Hugel) и Дин Инге (Dean Inge).² Формулируя религиозную догму, ортодоксальный богослов каждой религии ссылался (часто в большей степени, чем сам был готов допустить) на данные мистического опыта. Я не считаю первостепенным или даже важным этот аспект внутренней жизни. Для начала, история учит нас, что мистицизм чисто субъективного вида оказался неспособен сделать большой вклад в улучшение жизни человека.

Погружённость в телесные потребности, отношения с людьми и беспокойство о будущем владеют жизнью среднего человека. В этих заботах участвует яд эгоизма со всеми присущими ему бедствиями. И они обязательно нас касаются, если мы движимы сочувствием к страданиям мира. Потому что эти вещи так неразрывно вошли в самую ткань человеческой природы (насколько мы её знаем), что нельзя разделить внутреннюю и внешнюю жизнь, а благополучие одних исключает благополучие других. Легко найти, как изменить внутреннюю жизнь человека, чтобы он освободился от страданий, но вот как её изменить, чтобы он смог жить соответствующей внешней жизнью?

Это, конечно же, свёрхупрощение проблемы. Я, например, не упомянул о смерти. Мы смертны, и должен возникнуть вопрос, должна ли наша судьба быть связана только с той жизнью, которую мы знаем, или с некоторым реальным или возможным существованием вне смерти. Говоря о страданиях мира, я также не упомянул о вере, бывшей прежде широкой и твёрдой, а теперь вероятно угасшей или ставшей очень слабой среди большинства людей, вере в то, что за страдания и неуспех в этой, видимой, жизни дают компенсацию в другой жизни, которая будет обеспечена без особых или экстраординарных усилий со стороны пострадавшего.

Я не буду много говорить об этом потому, в частности, что, объективно говоря, жизнь и смерть неотделимы, и задача жизни – стать живым – идентична задаче умирания – стать мёртвым. Если эгоизм – болезнь жизни, он безусловно будет источником ужаса в момент смерти для сомневавшегося в том, что если для человека открыто какое-нибудь дальнейшее существование, плоды эгоизма в нём будут очень горькими. Я использовал слово «эгоизм» для краткого обозначения всех факторов, отравляющих человеческие отношения, которые «по-видимому невозможно» уничтожить.

Каждая практическая цель требует для своего достижения последовательности скоординированных действий. В отсутствие предшествующего знания, доступен только метод, известный как «успех или промах» или метод «проб и ошибок» – метод, позволяющий пленённой крысе пройти в

² см. Friedrich Von Huigel. *The Mystical Element of Religion*; and William Ralph Inge. *Mysticism in Religion*.

конец концов свой путь через лабиринт. Когда проблема превышает некоторый порог сложности (точнее, когда доступное время меньше времени, требуемого на поиск решения), это означает, что она не может быть решена данными средствами. Опыт многих тысячелетий показал, что метод проб и ошибок бесполезен в деле улучшения человека. Вряд ли человек может найти и практически применить в течение короткого промежутка своего эффективного существования средства изменения собственного бытия³. Доступное время действительно меньше, чем необходимо для того, чтобы, во-первых, человек понял необходимость собственного изменения, и, во вторых, – после того, как он изменится – для того, чтобы он использовал это на благо других. Значит, необходимо знание (которое может быть получено только от тех, кто уже обладает им), знание того, что и как надо делать, а для этого должна иметься техника внутренней работы подобно имеющейся технике внешней работы. Но люди во всем мире занимаются совершенствованием внешних техник, даже не подозревая, что гораздо важнее найти технику изменения самих себя. Если бы нам ещё только предстояло найти эту технику, наша ситуация была бы действительно серьёзна, потому что не было бы ничего, кроме надежды найти её без посторонней помощи в течение одной жизни.

Понимание этого направляло некоторых людей на поиски нужного знания в те места, где оно, согласно преданиям, было давно найдено и с тех пор сохранялось. Традиционная «Мудрость Востока» основана именно на этой технике внутренней работы, но она разделена на несколько течений, почти не имеющих ничего общего друг с другом. Одно из этих течений базируется только на субъективном опыте, о котором я уже говорил. Доступ к нему совсем не труден для любого, кто готов искать его решительно и настойчиво в течение может быть многих лет до тех пор, пока не обнаружит достоверный источник. Те, кто считает высокий мистический опыт, типа йоговского состояния самадхи, вершиной человеческих достижений, не глядят за пределы источников знания этого первого вида. И поскольку именно такие люди, в основном, писали о Мудрости Востока, возникло убеждение, что кроме этих субъективных техник ничего не может быть найдено.

Существуют, однако, школы с более глубокой и менее доступной традицией, которые обладают знанием высокого порядка о «жизни ради делания». С этим связана легенда, которая открыто существует в мифологии, а тайно – в некоторых записях Золотого Века, в котором были широко известны и осуществлены эти методы жизни ради делания, в результате чего внешняя жизнь человека в течение некоторого периода достигла такой степени гармонии и благосостояния, которая с тех пор никогда уже не повторялась.

Археологические исследования всегда учили нас уважать такие традиции, потому что почти всегда, когда находились средства для их проверки, их историческая ценность становилась очевидной. До тех пор, пока Мудрость Востока понималась только в терминах мистицизма и некоторого презрения к проблемам и страданиям мира, не было особой нужды в поиске её источников. Однако, всё приобретает новый ракурс в свете предположения, что Восток, возможно, обладает знанием методов для развития жизни ради делания. Знания о внешнем мире и способность управлять внешними вещами были получены на Западе за очень короткое время благодаря работе многих тысяч квалифицированных исследователей. Разве не может быть, что маленькие группы людей на Востоке сделали открытия не меньшей важности относительно внутренней жизни человека и тысячелетиями передава-

³ Английское существительное «being» будет в дальнейшем переводиться либо как «существо», либо как «бытие», либо как «личность», но надо иметь в виду, что подразумевается некая реальная живая сущность, присутствие которой в мире может быть больше или меньше (прим. переводчика).

ли их от поколения к поколению?

Можно объяснить, почему наблюдается такое различие в этих двух процессах. Знание о внешнем мире, и особенно знание, доступное научным исследованиям, таково, что может быть адекватно выражено и передано в словах. Значит, может без особых трудностей распространяться и использоваться большим числом людей. Знание о внутренней природе человека, и особенно знание, касающееся методов её изменения, почти невозможно описать словами и его можно передать, только объединив личные усилия учителя и ученика.

Такое знание можно очень долго хранить, но нельзя легко распространить и сделать широко доступным для нуждающихся в нём. Тем не менее, если мы можем быть убеждены, что такое знание должно существовать, мы хотя бы имеем обнадеживающую отправную точку для дальнейших исследований.

Я помню, как обсуждал это в 1920 году с замечательным человеком, Петром Демьяновичем Успенским, ныне покойным. Он сделал задачей своей жизни лично проверить, существуют ли школы практического обучения в отличие от школ, ориентированных только на субъективный опыт. И пришёл к заключению, что если такого знания нет и его нельзя найти, то нет никакой надежды освободить людей от их растущей рабской зависимости от механизированного существования. При подобном существовании поиск такого знания (конечно, если есть надежда, что его можно найти) составляет гораздо большую важность, чем любая другая линия исследований, какой бы многообещающей она ни казалась.

В своей книге «Новая модель Вселенной»⁴ Успенский упомянул о свидетельстве, убедившем его в том, что реальное знание, о котором я говорил, существует на самом деле. Он обещал дать в следующей книге – «Фрагменты неизвестного учения» – отчёт об учении, которое он нашёл. Прошёл двадцать один год, и теперь, наконец, стало известно, что обещанная книга будет вскоре издана.⁵

Для большинства людей, интересующихся этими вопросами, не тайна, что учение, о котором говорит Успенский, есть учение Георгия Ивановича Гурджиева. Те из нас, кто в течение последних тридцати лет имели преимущество «обедать за столом его идей», рады были найти в нём всю полноту знаний (и, прежде всего, практических методов работы), которые необходимо иметь до того, как с реальной надеждой на успех займётся задачей создания своей личности.

Проникновение в идеи Гурджиева очень затруднительно для любого, кто имеет предвзятые понятия о том, как следует изучать любое имеющее силу учение. Всё в нём перевёрнуто с ног на голову. Естественно, трудно согласиться быть перевёрнутым, если убеждён, что стоишь правильно.

Эта книга может помочь тем, кто заинтересован в перспективе более широкого распространения учения Гурджиева, понять, что почти все наши текущие представления и верования о человеке и его мире перевёрнуты с ног на голову. *Д.Г.Беннет*, Глoucestershire (Gloucestershire), Англия, 1949г

⁴ *A New Model of the Universe: Principles of the Psychological Method in Its Application to Problems of Science, Religion and Art*. London: Routledge & Kegan, 1931. (Новая модель Вселенной: принципы психологического метода и его применения в научных проблемах)

⁵ *In Search Of The Miraculous: Fragments of an Unknown Teaching*. London: Harcourt, Brace, 1949. (В поисках чудесного: фрагменты неизвестного учения)

Страстное убеждение в
необходимости, правильности
и даже священной обязанности
уничтожать другие существа –
безусловный психоз,
в котором мы теперь должны
стремиться разобраться...

Когда мы признаем
несомненный факт,
что войны не являются результатом
злых намерений,
мы вынуждены будем понять,
что они свидетельствуют об особой
всеобщей беспомощности,
которая уходит глубже,
чем наши обычные повседневные
неудачи в жизни.

Человек – думающее животное или мыслящее существо?

Знание и мудрость обычно контрастируют в их значимости для жизни человека. Такое различие может вызвать недоумение, но оно послужит отправной точкой для обсуждения человеческой ситуации. Некоторые цели могут быть достигнуты применением знаний; другие требуют мудрости. Человечество было заметно успешным в первом и ещё более заметно неудачным в последнем.

К сожалению, благосостояние человека зависит от достижения целей второго вида. Не знание, а мудрость определяет, может ли человек быть в мире с собой, жить в гармонии с окружающей средой, посылать своих детей в мир правильно подготовленными к их жизненным задачам, может ли разбираться во множестве внешних влияний, постоянно побуждающих его к действиям. Мудрость, а не знание, определяет успех или неудачу всех организованных действий людей, особенно когда они направлены к высоким целям, типа упорядочивания человеческого существования, установления гармоничных отношений между группами людей и предотвращения войн.

История даёт нам свидетельства постоянной цепи неудач во всех перечисленных вещах; да и сегодня мы видим сплошные провалы. К тому же, чем больше масштаб действий, тем больше вероятность неудачи. Мы находим, хотя и слишком редко, людей, относительно свободных, довольных жизнью и живущих в гармонии с соседями. Мы находим, хотя ещё более редко, семейства, в которых преобладает истинная гармония, а постоянное стремление к цели и взаимопонимание проходит сквозь годы семейного опыта. Если же мы обратимся к более крупным организациям и более высоким целям, мы найдём в их мотивах и действиях только самые недолговечные следы мудрости, какие бы высокие названия они не носили.

Того, что люди хотят больше всего, они не могут достичь. Есть ещё, конечно, много такого, чего они не могут или не хотят делать. Кто-нибудь должен посмотреть фактам в лицо и сделать честные выводы. А факты достаточно ясны. Мы не достигаем наших целей, особенно тех из них, которые требуют мудрого суждения и незаинтересованных действий. Чем лучше наши намерения и благороднее наши мотивы, тем с большей уверенностью мы проваливаем задачи, к которым прикладываем руки.

Если посмотреть на «добрые» дела человечества, можно увидеть, что почти все они начинались человеком или группой людей с «добрыми» намерениями, которые оказывались неспособными довести их до конца. В определённый момент начинают работать различные факторы: амбиции одних, жажда власти других, тщеславие, упрямство или недоверие третьих. Процесс, продвигаясь под действием этих факторов, неизменно существенным образом отходит от концепции, лежавшей в его основании. Когда результаты принимают достаточно крупный масштаб, они называются хорошими независимо от того, способствуют ли они на самом деле благополучию человечества, или того сообщества, или группы, в которых они получены.

Поскольку мы имеем неисправимую привычку к такому «называнию», мы избегаем вопроса, соответствуют ли эти хорошие результаты первоначальным намерениям и хороши ли они вообще в

каком-нибудь объективном смысле.

Возьмём в качестве примера общеизвестную историю со всеобщим избирательным правом. Реформаторы восемнадцатого века, провозгласившие этот идеал, задумывали его как средство, обеспечивающее каждому человеку ответственного возраста возможность иметь равный и эффективный голос в определении законов, по которым они будут жить. Первым непосредственным результатом стала Французская Революция и наполеоновские войны, т.е. события в максимальной степени отдалённые от целей реформаторов. Всеобщее мужское избирательное право было вписано в американскую конституцию, но действие двухступенчатой системы было таким, что индивидуальный избиратель оказался в ситуации, в которой он, как правило, должен был выбирать между альтернативными вариантами, ни один из которых не отвечал его желаниям. Он выбирал фактически не в пользу той или иной законодательной программы, а либо согласно привычке, внедрённой в него с детства, или в ответ на эмоциональный импульс симпатии или антипатии, адресованный человеку, которому случилось быть представителем какой-то партии.

В британских самоуправляющихся территориях, всеобщее избирательное право во многом использовалось в прошлом подобным же образом. В других странах, где существует много политических партий, избиратель, казалось бы, имеет более широкую возможность осуществления выбора в соответствии со своими пожеланиями. На деле, однако, ситуация срabатывает даже более неблагоприятно, и многопартийная система даёт один из выдающихся примеров неразумности в руководстве человеческими делами. Мелкие личные мотивы, амбиция, жажда власти и даже материальная выгода – фактически единственные факторы, определяющие группировку партий, и никогда – желания и стремления избравших их людей.

Я не касался здесь *reductio ad absurdum* всеобщего избирательного права, присущего однопартийной системе, когда выборы служат просто средством пропаганды для усиления позиции группы, управляющей судьбами государства. Глядя на страны, где всеобщее избирательное право всё ещё работает таким образом, следует сделать практически полезный вывод о важности учёта индивидуального избирателя в политических вычислениях.

Будучи несведущим в сложных проблемах политэкономии и международных дел, избиратель не может прийти к независимому решению, что сделало бы его собственные представления действительно эффективными. Поэтому становится необходимым предоставить ему упрощённые объяснения. Задача подготовки этих объяснений находится в руках политических партий, заинтересованных в его избирательном голосе. Если бы эти партии были способны проявить мудрость и смелость в составлении таких объяснений и, хотя бы упрощённо, но передавали те факты, которыми они владеют благодаря их более широким источникам информации, избиратель мог бы быть способен сделать выбор, имеющий хоть какое-нибудь отношение к реальной ситуации. В действительности же происходит в точности наоборот: каждое усилие направляется на то, чтобы замаскировать существующую ситуацию. Выборы происходят в фиктивной атмосфере и зависят от факторов типа личной симпатии или антипатии к лидерам партий или от обещаний, про которые те, кто их делают, знают или должны знать, что никогда не смогут их выполнить.

Так колесо делает полный круг. Первоначальная цель, которая состояла в том, чтобы дать индивидуальному избирателю эффективный контроль над законами, по которым он будет жить, теперь потеряна, и возникла ситуация, в которой всем управляют исполнители, вынужденные для поддержки своей власти адресовать индивидуальному избирателю такую пропаганду, которая влияет на его личное мнение и лишает его эффективной способности выбора. Избиратель не имеет возможности

решить, за кого он голосует и за что он голосует. Он даже редко понимает, какие это влечёт последствия.

Большинство людей может с успехом не считать серьёзными провалы в достижении целей, подобных тем, что я только что описал, но есть одна ситуация, к которой вряд ли можно быть безразличным. Это – провал человечества в предотвращении войн.

Гурджиев называет войну «процессом периодического взаимного разрушения существования друг друга». Такое описание проявляет всю ужасную перспективу этого кошмарного явления. Только сознание, граничащее с патологическим, может рассматривать войну иначе, чем как позорное пятно на человечестве. В более или менее нормальных условиях – то есть при отсутствии специфического массового психоза, характерного для начала войны, – подавляющее большинство людей, рассматривают её возможность с отвращением и страхом. И всё же войны не только происходят, но и приняли в последнее время новый, особенно позорный характер: они теперь включают не только безжалостную резню противостоящих армий, вооружённых бесчеловечным оружием, но и неразборчивое уничтожение беззащитных женщин и детей, влекущее тяжёлые последствия для жизней даже ещё не родившихся поколений.

Само собой разумеется, что действие таких неподобающих черт, как жажда власти, эгоизм, лень и разного вида глупость, делает людей беззащитными перед началом военного психоза. Есть, однако, нечто более глубокое и до сих пор необъяснённое в самом психозе. Те же самые люди, кто несколько лет назад смотрел с ужасом на малейшую возможность массового убийства других людей, становятся жертвами того довольно специфического психического состояния, при котором позор акта взаимного убийства заменяется весьма определённым желанием уничтожать; они становятся убежденными, что убийства оправданы.

Это убеждение очень часто начинается с умственного оправдания: самооборона, например, или потребность освободить других людей от угнетателя. Но начальная формула, однако, скоро оказывается забытой и остаётся лишь желание убивать, пока психоз не пройдёт, и люди не возвратятся к безусловно более нормальному состоянию естественного ужаса от процесса разрушения.

Как всё это происходит? Почему человеческая раса время от времени становится неспособной сопротивляться впадению в психическое состояние, которое и разум, и сердце осуждают? Почему мы оказываемся неспособными ни самостоятельно, ни объединившись с другими, избежать того, что, как мы чувствуем в глубине сердца, против наших основных интересов?

Единственное удовлетворительное объяснение, которое я знаю, дал Гурджиев, указав два действующих независимо фактора. Но прежде, чем перейду к ним, я должен сказать об одной концепции, доминировавшей в человеческой мысли почти 2500 лет, и корни которой, насколько это касается западного мира, уходят в теории греческих философов о человеке, его природе и месте во Вселенной. Это концепция ставит знак равенства между разумом и деятельностью человеческого мозга. Основная идея состоит в том, что если человек способен трезво мыслить и видеть то, что является либо субъективно желательным, либо объективно необходимым, он будет соответственно регулировать свою жизнь и так постепенно освобождать себя от подчинения неразумным животным импульсам, ответственным за его страдания и неудачи.

Вера в здравый смысл прошла через испытания в процессе опробования различных способов её приложения и поиска пригодных. Последняя волна оптимизма началась в семнадцатом столетии, и если её происхождение можно связать с каким-то именем, то им должен быть, конечно, Декарт, чьей доктриной было превосходство человеческого разума.

В восемнадцатом столетии разум, всегда идентифицируемый с автоматическими процессами мозговых полушарий центральной нервной системы человека, был возведён на трон в качестве мощи, которая должна привести человечество к гуманитарному Золотому веку. Знаменитый грек думал, одержав в век схоластики победу над христианской традицией, что церковь будет беззащитна против этих по существу антирелигиозных концепций. Доктрина «думать правильно значит действовать правильно» стала почти аксиомой; забыты были слова святого апостола Павла: «не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю».

До нынешнего столетия, а у многих людей и сегодня, преобладает вера в то, что человеческий ум способен найти решение человеческих проблем и направить нас в некую безопасную гавань, где мы могли бы вести более нормальное существование, чем наши предки. Эти надежды начали исчезать с экстраординарной скоростью. Вместо того, чтобы дать место решимости определить, каким образом и за какую цену можно найти более успешный путь, надежда уступила место всеобщей апатии и широкому распространённому желанию любой ценой избежать необходимости думать.

Такие процессы идут волнами, и так случилось, что в тот самый момент, когда я пишу [1949], мы, как и весь мир, находимся во власти желания не думать о реальном состоянии вещей. В течение прошлого года мне представился случай посетить много стран на трех континентах. Я только что вернулся из второй поездки в Соединенные Штаты. Где бы я ни был, я поражался распространённости болезни «надежды на лучшее». Сразу после Второй Мировой войны повсюду должно было ощущаться очень тревожное состояние сознания из-за предчувствия угрозы будущему человеческой расы, из-за того, что развитие наших технических возможностей не сопровождалось соответствующим прогрессом в способности регулировать нашу жизнь.

Условия не изменились, но люди теперь цепляются за самый ничтожный повод для надежды на лучшее. Достаточно какому-нибудь профессору сказать, что та или иная бомба в целом не так уж страшна для всех людей сразу, чтобы выветрить из их умов мысль об ужасе войны и предаться любимому процессу – погоне за сиюминутными мелкими удовольствиями. Или стоит известному экономисту объявить, что экономическая ситуация улучшается, как люди прекращают интересоваться даже экстраординарными полочками в эффективности производительного механизма мира.

Мы сможем убедиться, что существующий период безрассудного оптимизма пройдёт, и начнётся новая стадия тревоги и возрастания напряжённости, и что настанет время, когда напряжённость станет настолько острой, что будет очень трудно найти способ предотвратить новое пожарище. Это возвращает меня назад к теме войны и её причин.

Принято приписывать причину войны человеческим намерениям и объяснять войну конфликтом между хорошими и плохими намерениями. Термин «агрессор» стал удобным ярлыком для приписывания злых намерений одной группе и, как следствие, хороших намерений – другой. Само собой разумеется, что эта логика одинаково применяется обеими сторонам в любом конфликте, так, что война всегда выглядит для тех, кто принимает в ней участие, как предпринятая в защиту некоторого священного принципа или ради выполнения некоторого правого дела.

Итак, страстное убеждение в необходимости, правильности и даже священная обязанность уничтожать другие существа – безусловный психоз, в котором мы теперь должны стремиться разобраться. Но на это мы не можем надеяться, пока не займём объективную и беспристрастную позицию. История могла бы научить нас, но трудно постигать её уроки, потому что исторические книги всегда написаны субъективно и односторонне: ведь автор, несмотря на провозглашение противоположных намерений, является приверженцем какой-нибудь конкретной точки зрения. Когда мы признаем не-

сомненный факт, что войны не являются результатом злых намерений, мы вынуждены будем понять, что они свидетельствуют об особой всеобщей беспомощности, которая уходит глубже, чем наши обычные повседневные неудачи в жизни.

Когда приходит война, люди, ненавидевшие саму мысль о ней, оказываются захвачены желанием уничтожить, и пока они будут уверены в своём оружии и верить в возможность победы, они будут продолжать работать на разрушение. У самых умеренных и гуманных людей исчезает жалость, и без тени стыда они наслаждаются количеством разрушенных городов и зарезанных женщин и детей.

Я говорил прежде, что в учении Гурджиева войны объясняются двумя довольно независимыми факторами. Во-первых, возникшим помимо воли людей состоянием напряжённости; во-вторых, – реакцией людей на это состояние. Состояние напряжённости является результатом общих процессов планетарного характера, вызывающих уравнивание процедуры преобразования энергии во всей солнечной системе. Это состояние стимулирует в людях общую неудовлетворённость текущей ситуацией. Такая неудовлетворённость сама по себе не несёт в себе ничего плохого и не требует никаких разрушений. Наоборот, если бы люди были способны к нормальной реакции на неё, то есть если бы у них была потребность в самосовершенствовании, они бы на эти периоды напряжённости отвечали возросшими усилиями, направленными на то, чтобы вызвать в себе изменения, необходимые для их окончательного благополучия.

Но при полном отсутствии понимания потребности во внутреннем изменении давление перемещается на внешние отношения и, опираясь на эгоизм, жажду власти, подозрительность, зависть и прочее, вызывает остро заразный массовый психоз, который делает войну возможной. Я вернусь к этому позже и объясню немного более детально некоторые из фундаментальных принципов системы Гурджиева.

Если мы должны достигнуть хоть какого-нибудь понимания человеческой проблемы, мы должны сначала попробовать ответить на ряд вопросов. Что такое человек? Может быть, он машина, обречённая на неспособность свободно двигаться внутри обусловленного механизма физического мира? Или он животное, подобное любому другому животному, которое ест и бывает съедено, воспроизводит себе подобных и погибает навсегда, когда его тело умирает? А может он не только обычное животное, но и нечто другое, если учесть его сознательный опыт и способность выбора? Наконец, может быть, он – особое творение, созданное по образу и подобию Божьему, бессмертная душа?

Разные люди дают различные ответы на эти явно несовместимые вопросы. Один человек подержит, и даже со страстью, что человек – только машина. Другой будет настаивать, что он – бессмертная душа. Это не кажется странным: люди всегда придерживаются самых сильных суждений в отношении вещей, которые они не понимают. Но что очень странно, и во что даже трудно поверить, – это то, что в большинстве случаев нет никаких различий в поведении людей, придерживающихся столь противоположных взглядов. Бессмертная душа – бесспорно наиболее ценное сокровище, каким могло бы обладать существо, но те, которые утверждают, что имеют её, очень редко всерьёз задумываются о её ценности. Убеждение, что человек – машина, должно наверняка сделать всю жизнь безразличной и бессмысленной, но те, которые так считают, полны страстей и стремлений, как будто они убеждены, что свободны и независимы.

Так несколько лет назад у меня дома один выдающийся биолог, отличавшийся непоколебимой приверженностью механической доктрине, торжествуяще объявил в моём присутствии, что после нескольких лет борьбы он добился того, что Британская радиовещательная корпорация приняла радио-

передачу, пропагандирующую атеистический механицизм! Объяснение подобных несообразностей состоит в том, что для любой мыслимой концепции о природе человека можно найти убедительные аргументы. Кроме того, человек, который в силу характера или несчастливого начального образования твёрдо придерживается какой-либо одной концепции, не способен полностью лишить себя других.

Все эти горячие высказывания о природе человека маскируют его основное состояние – состояние растерянного неведения. Ничто не имеет смысла. Если мы машины, почему мы так явно чувствуем реальность нашей способности выбора? Если мы имеем бессмертную душу, почему мы не можем найти никакого свидетельства её существования? Если мы свободные существа, почему мы ведём себя как рабы? Если мы животные, почему мы размышляем о нашей судьбе?

Я не нашёл более убедительных объяснений этих противоречий, чем данные Гурджиевым. Всё очень просто. Путаница возникает потому, что мы не видим разницы между тем, чем человек является и тем, каким он мог бы быть. Согласно Гурджиеву, человек при рождении не обладает бессмертной душой, но она формируется в ходе его жизни и становится более или менее совершенной в соответствии с его жизненным путём.

Душа человека – не причина, а следствие его поведения. Он не свободен, так как не может жить независимо от обусловленного механизма физического мира, но он имеет ограниченную способность выбора. Когда он не использует эту возможность выбора, он – машина, и его активность, как и активность других машин, определена исключительно причинными отношениями с окружающей его средой. Если человек слишком долго пренебрегает использованием своей способности выбора, он становится машиной в полном смысле слова, и все возможности свободного действия исчезают навсегда. Он также ещё и животное, и подобно каждому животному вынужден большую часть своей жизни расходовать на действия, необходимые для её поддержания.

Это одна сторона картины. Другая сторона показывает, что человек не только машина и животное, но и существо с почти неограниченными возможностями развития. Среди этих возможностей – приобретение бессмертной души. Среди них также – достижение истинной свободы, то есть реальной и эффективной независимости от причинного механизма. Более того, внутри человека есть врождённое нечто, которое сообщает ему, что эти возможности существуют. К сожалению, в прошлом это нечто было ошибочно принято за свидетельство того, что он владеет фактически – то есть автоматически и без усилия со своей стороны – свободной, лично независимой и даже бессмертной душой.

Здесь не место проследивать происхождение и историю этого заблуждения, которое гораздо более широко распространено в западной, чем в восточной мысли. Но надо отметить, что оно присуще всем основным идеологиям человека. Материалист, отрицающий существование души, считает само собой разумеющимся, что если бы душа существовала, каждый человек имел бы её автоматически и безусловно. Спиритуалист, утверждающий, что он имеет душу, тоже считает само собой разумеющимся, что имеет её автоматически и безусловно.

Последствия этой ошибки оказались бедственными для человечества, поскольку неизбежно вели и ведут к снижению значения человеческой жизни. Тот, кто полагает, что он уже обладает бессмертной душой, может утешать себя мыслью, что для уверенности в будущем достаточно не наносить ей непоправимый вред, чтобы она не оказалась при дальнейшем существовании в каком-нибудь неприемлемом состоянии. Тот, кто не считает, что обладает душой и даже не мечтает о возможности её приобретения, может жить без всякого ощущения необходимости самосовершенствования, потому что для него остаётся единственная забота – прожить жизнь ради

собственного удовольствия и затем исчезнуть со всеми долгами, оплатив их подписью на свидетельстве о смерти.

По какой-то странной причине христианские богословы с помощью доктрины опосредованного искупления изобрели всё же другой повод, чтобы не принимать жизнь слишком серьёзно. Точно так же богословы буддизма, при полном игнорировании учения их основателя, нашли специфическую форму утешения в доктрине перевоплощения. Вся эта непоследовательность есть симптом всеобщей человеческой болезни «надежды на лучшее».

Учение Гурджиева просто и понятно. Человек имеет право и обязанность заработать и оплатить своё существование собственной сознательной работой и намеренным страданием. Если он не станет этого делать, он пожнёт плоды и погибнет либо вместе со смертью своего физического тела, либо несколько позже, в зависимости от характера его действий в течение жизни.

Концепция, что человек «ничто», которое может стать «кое-чем», существенна не только для его окончательной судьбы, но также и для его текущей жизни. В определённом смысле то и другое неотделимы, но с практической точки зрения можно было бы сказать всё необходимое, не касаясь души вообще. Цель существования можно сформулировать в терминах, ограниченных одной жизнью. Мы не свободные и независимые существа, а рабы наших привычек и влияний ближайшего окружения. В наших личных отношениях мы очень часто терпим неудачу от незнания, но ещё более часто — от полной неспособности управлять своим собственным поведением.

Все наши попытки уменьшить страдание ведут только к новому страданию. Все наши усилия предотвратить войну ведут лишь к войнам, ещё более ожесточённым и ужасным. Осознание этого должно само по себе быть достаточным, чтобы вызвать у человека сильное желание измениться. Если он увидит себя не таким, каким он мог бы быть, он больше не сможет быть удовлетворён собой, если не считать какой-нибудь перспективы будущей жизни. Действительно, как я уже говорил, перспектива будущей жизни, обеспеченной ему автоматически, независимо от собственных усилий, неизбежно притупит остроту его неудовлетворенности собой.

Теперь мы добрались до того решающего момента, когда становится необходимым (лишь бы мои попытки выразить это увенчались успехом!) заменить негативную критику позитивными положениями той концепции о природе человека и его судьбе, которую я считаю истинной, в отличие от механистической и спиритуалистической концепций. Согласно Гурджиеву, человек — «ничто, которое может стать кое-чем», машина, которая может стать ответственным свободным существом. Более того, его судьба значима не только для него самого, но и для гораздо большей космической цели, которой он сможет служить, только будучи свободным.

Для того, чтобы дать правильный контекст концепции Гурджиева о человеке, который «ничто, которое может стать кое-чем», я должен обрисовать его учение о порядке во Вселенной. Вселенная, насколько мы знаем, существуя во времени, возникла благодаря трём различным актам творения. После первого акта Создатель и Вселенная составили гомогенную систему, подчинённую фундаментальным законам, заключённым в самой природе времени, то есть Первому и Второму законам термодинамики. Самое первое существо (названное Гурджиевым «Солнечный Абсолют»), существовавшее в одиночестве в безграничном пространстве, излучая собственную субстанцию без какого-либо способа регенерации, представляло собой архетип всех тех, кто существует во времени, подчиняясь закону неизбежной дегенерации и финального распада. Таков первый вид существования, который всегда пронизывал и будет пронизывать всю сотворённую Вселенную.

Второй вид существования – симбиоз поддерживающих друг друга органических существ, которые едят и сами бывают съедены. Гурджиев объясняет переход к этому виду решением Создателя ввести новый способ существования, который компенсировал бы действие закона распада, присущего самой природе времени. Таким способом был дисгармонизирован Солнечный Абсолют и родилась необъятность систем галактик и солнц. Обмен энергией между этими системами и между отдельными видами существования таков, что позволяет им гарантировать, что Солнечный Абсолют не выродится, а будет поддерживать неопределенно долго свой уровень энергии и своё существование.

Изменение в строении Вселенной, вызванное необходимостью предотвратить финальный распад, принёс новые проблемы из-за возрастания её сложности за счёт расширения. Поддержание порядка было обеспечено, но возникла потребность в постоянной организации. Таким образом, стал необходим третий вид существования, принявший форму индивидуализированных существ, способных к внесению во Вселенную того, что не могло бы быть привнесено туда даже прямым актом самого Создателя. Он был получен за счёт появления существ, имеющих способность выбора, то есть имеющих некоторую степень свободы от обязательных законов Вселенной. Подобно тому, как жизнь зависит от заимствования из окружающей среды, свобода подразумевает долг перед Вселенной. Согласно концепции Гурджиева, во всей Вселенной планеты являются местами обитания существ, имеющих особое свойство беспрепятственно создавать или уничтожать их собственное существование.

Итак, имеется три вида существования, взаимосвязь которых основывает гармонию сотворённой Вселенной. Первый – *неорганический*, подчиняющийся только законам сохранения и распада; второй – *организованный*, несущий фундаментальный космический принцип: есть и быть съеденным для взаимной поддержки существования; и третий – *ответственный*, характеризуемый способностью выбора.

Человек, подобно всему прочему во Вселенной, подчиняется законам сохранения и распада. Это, как я уже говорил, вытекает из самой природы времени. Та же мысль была издревле выражена Гаутамой Буддой: «Непостоянство есть в любой вещи. Ничто не возвращается к жизни, но оставляет семена собственного распада». Человек тоже должен есть и быть съеденным подобно всем другим формам организованной жизни; он должен служить большой вселенской цели, ради которой были созданы даже солнце и звезды. Все, кто ест, также должны быть съедены. Человек совсем не властен уклониться от выполнения своей функции как аппарата для преобразования энергии, но очень хотел бы это сделать.

Во всём этом не идёт речи о личной цели или пользе. Люди, сообщества, всё человечество, и вся органическая жизнь на нашей и любой другой планете вместе с большими формами, включёнными в тот же самый процесс обмена веществ, делают это без участия собственной воли или целей. Тем не менее, человек при обслуживании большой вселенской цели имеет возможность в то же самое время работать на себя и пользоваться своей способностью выбора для улучшения своего существования. Это можно назвать созданием его собственной бессмертной души, то есть «кое-чего», составленного таким образом, что оно способно бесконечно противостоять закону ухудшения и распада. Можно также сказать, что человек имеет возможность стать свободным независимым существом, способным определять свою судьбу в пределах общих космических законов.

Для более полного знакомства с космологическими концепциями Гурджиева следует подождать публикации его собственных работ. Здесь я попытался лишь представить минимум, необходимый для более точного описания цели и пользы человеческого существования.

Вероятно, полезно объяснить разницу между способностью выбора и свободным независимым существованием. Возможность выбора существует только «здесь и теперь». Способность выбора состоит в возможности, если представится случай, сказать да или нет определённому стимулу к действию. Это относится только к процессам, ограниченным во времени. Причина в том, что человек сам по себе не имеет постоянного существования: он – простая последовательность мгновенных самостей. Каждая из этих самостей может, но чрезвычайно редко, использовать возможность сказать да или нет потенциальному действию, вызываемому либо собственным автоматизмом человека, либо внешним стимулом.

Свободное независимое существование подразумевает нечто значительно большее. Во-первых, владение постоянной сознательной индивидуальностью, без которой не может быть никакой свободы. Во-вторых, способность стоять вне или выше автоматизма нашего телесного существования, как механик стоит вне или выше механизма. Более того, этот «стоящий вне» не должен быть пассивным зрителем, способным только наблюдать, но не управлять работой механизма. Много путаницы в этот вопрос внесли мысли тех, кто баловался восточными понятиями и был увлечен доктриной непривязанности. Она толковалась так, будто простое пассивное созерцание внешней активности самодостаточно. Непривязанность такого вида приносит определённую пользу, но лишь как один элемент среди многих, необходимых для достижения свободной индивидуальности.

Вот пример, который поможет сделать различие более ясным. Обычный средний человек не имеет никакой способности сознательного контроля над своим эмоциональным состоянием. Он становится грустным, весёлым, скучающим, возбуждённым, заинтересованным, удивлённым, раздражённым, взволнованным, сердитым, ревнивым, огорчённым, и радостным под влиянием автоматических ассоциаций и сформированных привычек в сочетании с приходящими стимулами внешней обстановки. Он движим желанием или отвращением и расценивает эти состояния как естественное выражение самого себя. Если же ему случается войти в конфликт с кем-нибудь, у кого похожие умственные установки, возникает борьба, результат которой зависит от довольно случайных факторов, типа страха последствий от своих действий или рабской зависимости от мнения других. При этом безразлично, будут ли его эмоции сильными и бурными или слабыми и неэффективными.

Во всех случаях они возникают, проявляются и исчезают, подчиняясь процессу, который он не понимает, и которым, конечно, не может управлять. Естественно, он не понимает его, потому что ещё в молодости в нём развили привычки к подавлению некоторых внешних проявлений, которые в его обычной окружающей среде не считаются «хорошими». Его научили называть это подавление «самообладанием». Он не знает, что чувства, которые он скрывает, определяют, тем не менее, его состояние и придают его действиям по отношению к другим – и по отношению к самому себе – не менее вредную форму.

Пагубная привычка придавать значение только тому, что видят другие, а не собственному внутреннему состоянию, развивает в людях импульс самооправдания, который работает настолько автоматически, что они могут почти всегда чувствовать себя правыми. Благодаря этому процессу многие нежелательные эмоциональные реакции могут проходить совсем незаметно для самого человека, и в итоге он не может видеть свою неспособность управлять ими.

Теперь об управлении. Оно может означать несколько вещей. Я уже упомянул автоматическое «управление», которое происходит просто благодаря привычке или под действием некоторого страха. Фактически это единственный вид управления, который может присутствовать в обычном среднем человеке. Существует другой вид управления, который приходит благодаря практике непривязанно-

сти. Сразу должно быть понятно, что его чрезвычайно трудно приобрести. Речь вовсе не идёт о простом изменении склада ума. Долгими и постоянными усилиями, ориентированными главным образом на приобретение способности направлять внимание, есть возможность получить способность отключать внимание от действующего стимула и тем самым уйти от ответа на него.

Это можно сделать, например, сосредоточив внимание на какой-нибудь одной точке и таким образом отделить его от эмоционального стимула. Так человек может приобрести способность ослаблять или гасить любое нежелательное эмоциональное состояние. Он может делать это преднамеренно, с целью освобождения от рабской зависимости от своих эмоций, или без особой цели, как часть некоторой религиозной практики или акта религиозного фанатизма. В последнем случае, усилия направлены на сосредоточение внимания на Боге или на каком-нибудь святом, являющимся объектом поклонения. С помощью этой практики могут быть достигнуты различные степени и различные виды непривязанности. Они дают некоторую степень внутренней устойчивости, но не истинную внутреннюю свободу.

Причина этого в том, что они не приносят с собой способность преднамеренно определять то эмоциональное состояние, в котором будешь пребывать. Например, человек может достигать значительной степени непривязанности и всё же быть неспособным стать удивленным по своей воле. Контроль над эмоциями подразумевает не только способность чувствовать то, что хочешь чувствовать, но, более того, способность чувствовать то, что не хочешь чувствовать. Так как эмоциональное состояние – один из решающих факторов в определении поведения физического организма, никто не может быть полностью свободен, пока он не способен в любой момент иметь такую эмоцию и такой интенсивности, которая соответствует поведению, которое он решил проявить.

Говоря эти слова, я понимаю, что они могут вызвать недоумение у тех многих людей, кто в действительности являются полными рабами требований собственного автоматизма, недоумение, растущее с каждым проявлением искренности, когда они могут чувствовать, будто сами выбирают свои чувства. Например, они полагают, что способны быть сердиты, поскольку считают гнев соответствующим данной ситуации, и думают, что могут (как они это называют) не «давать пути» гневу. Всё это иллюзия, а фактом является то, что такой самообман, вероятно, – одно из главных препятствий, которое отделяет людей от понимания их истинной ситуации.

Для любого, кто способен хотя бы в небольшой степени на беспристрастное самонаблюдение, ситуация полностью выражается словами Святого Павла, которые я уже приводил: «не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю». Фундаментальный постулат, который я пытался изложить, звучит так: эта ситуация может быть изменена, и человек может стать свободным независимым существом, полностью владеющим собой и всеми своими реакциями, умственными, эмоциональными и физическими. Достижение свободы – только один аспект. Реальное значения свободы находится в использовании того, что из неё делается. Я уже объяснил, что, согласно концепции Гурджиева о судьбе человека, человек, ставший свободным, имеет неограниченную ответственность перед своими собратьями, борющимися за свободу, и перед своим Создателем за выполнение Божественной цели.

Как далеко продвинулся средний человек по пути к выполнению этой великой судьбы? Чем он занимает свою жизнь? Какие мотивы фактически определяют его действия?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны вспомнить три вида существования, возможных во Вселенной. Человек, прежде всего – материальный объект и, подобно всем материальным объектам, его существование подчинено законам термодинамики. Он не может «с помощью мысли доба-

вить один локоть к своей высоте». Он должен стареть и его тело должно умереть и вернуться в землю. Это первая особенность всего существующего. Во-вторых, он должен также выполнять функции животного существования. Он не может уйти от обязанности обеспечивать потребности своего животного тела. Они, нравятся это ему или нет, должны занимать значительную часть его времени и сил. Всем этим он никак не отличается от других животных. Реальное значение его жизни зависит от того, посвящает ли он свои избыточные время и энергию более высокой цели, чем его животное существование. Его третий вид существования – способность выбора. Если этот вид не осуществляется, он – не более, чем думающее животное.

Чтобы сделать правильную оценку, нам необходимо сначала перечислить те цели, которые нельзя называть «выше, чем» цели животной жизни. Таковы все цели, направленные на удовлетворение эгоистических желаний. А также – все совершенно бесцельные действия, то есть действия, которые можно назвать «убиванием времени» (типа досуга в совершенно пассивном состоянии), и которые справедливо называются «развлечениями»⁶. Человеку необходим отдых после интенсивной работы, в том числе и после работы по созданию самого себя. Но это не более высокая цель, чем его животное существование, а скорее неизбежное последствие ограниченности его собственных сил. Отдых обеспечивает человека некоторым количеством пищи, необходимой для его внутреннего роста, но сам по себе он не является и не может быть назван «более высокой целью».

Кроме эгоистических и низменных поступков, а также привычных и механических действий, не связанных непосредственно с животной жизнью, обычный средний человек, очевидно, очень часто делает попытки достигнуть цели, лежащей вне его животной природы. Например, он не бывает удовлетворён тем, что принёс своих детей в мир и помог им достигнуть зрелости простых животных, а желает видеть их «хорошо образованными», что должно означать свободными и ответственными индивидуумами. Он может приносить значительные жертвы для достижения этой цели, но если он не понимает, что она означает, и что для этого требуется, если фактически он позволяет детям расти бессознательными рабами, лишёнными возможности дальнейшего развития, он сделает для них не лучше, чем животное делает для своего молодняка. Правильное понимание этого настолько важно, что я посвящаю этому главу 2.

Другой тип неживотной деятельности – приобретение знаний для целей, отличных от удовлетворения животных потребностей. Желание познать себя, познать Вселенную, познать свою судьбу во Вселенной – бесспорно благородное желание. Усилия, направленные на достижение этих знаний весьма далеки от забот простой животной жизни. Вряд ли я должен спрашивать, сколько эти усилия занимают времени и сил у обычного среднего человека. По-настоящему серьёзный вопрос: те, кто воображают, что занимаются объективной наукой, действительно искренне преданы этой цели или они движимы главным образом теми же самыми страстями: амбициями, соперничеством и желанием внешней награды, которые проникают как инфекция во всю человеческую деятельность. Философы же не упускают случая подчеркнуть дух незаинтересованности при своих исследованиях и отделённость от личных взглядов, что является обязательным для достижения правды.

Но история философии в целом не демонстрирует освобождённости философов от обычных человеческих страстей. Я использовал слова «в целом», потому что были замечательные исключения типа Сократа и Спинозы, чьи жизни показывают, чего можно достигнуть незаинтересованным преследованием правды, объединённым с решительной борьбой с собой. Вопрос о мотивах философов,

⁶ В английском языке слово «distraction» помимо «развлечение» имеет смысл, близкий к слову «безумие» (прим. переводчика)

однако, менее важен, чем вопрос о результатах их работы. Наша западная мысль бежит по каналам, вырытым для нас по большей части философами, имеющими линию преемственности от древних греков. Об этом и о требованиях, предъявляемых естественной наукой для получения объективной истины, я пишу в главе 3.

Имеется, наконец, религиозная цель. Как уже многократно было сказано, она прежде всех других является целью, отличающей человека от животного. Однако, это истинно только тогда, когда эта цель живая и когда религия – нечто большее, чем убежище от страданий или полууверенное страхование от возможного Судного дня. Можно участвовать в религиозных с виду практиках по мотивам, все стремления и цели которых являются животными: например, получение удовольствия от ритуала или от специфического эмоционального стимула. Малая роль, которую играют подлинные религиозные мотивы в определении действий людей во всём мире в наше время – одна из основных причин, почему трудно рассматривать современного человека как нечто большее, чем думающее животное. Религия – предмет главы 4.

В названии этой главы я поместил в виде антитезы термины «думающее животное» и «разумное существо». Разумное существо – тот, за кого можно ручаться, что он будет действовать в каждой ситуации согласно диктату объективных причин. Если бы в человеческом сообществе была хотя бы малая доля таких существ, ситуация в мире не была бы такой, какую видят наши глаза сегодня.

В нашей так называемой
современной цивилизации
люди являются объектами
политической пропаганды или
предложений рекламных агентов

Никакого свободного
индивидуального существования;
повсюду жизни людей детерминированы и управляются
серией стандартизированных внешних стимулов,
против которых они не в состоянии
сопротивляться вообще.

Непосредственная причина всего этого –
наше так называемое образование.
Процессом этого образования, люди приведены
в состояние полной приспособленности
к механизированному существованию.

Образование – как люди теряют свои души

Когда человек действительно понимает, что он не таков, каким он мог бы быть, начинает появляться соответствующее желание «быть». Чувство потребности в бытии – или жажду бытия – нелегко описать тому, кто никогда не чувствовал свою собственную пустоту, кто уверен, что сам себе хозяин, кто полагает, что может управлять собственным поведением, собственной «волей». Так сильны влияния, ведущие нас к вере в то, что мы являемся свободными личностями, что мы можем только с большим трудом прийти к признанию степени нашей механистичности. Для этого необходимо приобрести некоторую способность объективного самонаблюдения и искренности с самим собой. С этой способностью приходит способность различения между реальными и иллюзорными целями.

Первейшая реальная цель человека, начинающего ощущать свою беспомощность и рабство, должна состоять в том, чтобы создать в себе нечто надёжное, свободное и способное принимать и выполнять независимые решения. Однако, пока человек остаётся под влиянием иллюзии, что он уже обладает этим, не заработав его, различие между реальными и иллюзорными целями не возникает. Не чувствуя желания быть, он направляет свои желания наружу к достижению целей, которые «взывают к нему» по разным причинам. Благодаря эффективной внешней деятельности его внимание отклоняется от собственной внутренней пустоты, и он способен жить, даже не подозревая, что пропускает всё, что имеет вечную ценность в человеческом существовании.

И то, что он называет успехом, и то, что неудачей своих инициатив, в равной степени гипнотизируют его. Он приписывает и то и другое своему уму или глупости, энергичности или лени, силе или слабости стремлений и добрым или злым намерениям других людей. Иными словами, он интерпретирует свой опыт в терминах намерений и их выполнения. Он видит в жизни действие различных внешних и непредсказуемых факторов, и даже может поверить в такие вещи как везение и невезение. А не видит он того, что весь процесс человеческого общения является большим марионеточным представлением, в котором ни один из актёров не свободен от нитей, производящих каждое его движение. В этом марионеточном представлении, к тому же, нет режиссёра, а есть лишь случайные комбинации нескоординированных причинных связей и влияний.

В главе 6 я даю короткий пересказ ответа Гурджиева на очевидно возникающий вопрос: «Если мы – марионетки, почему мы не чувствуем нити?» Здесь я должен начать с ситуации, когда человек понимает, что он не тот, кем он мог бы быть и испытывает вследствие этого зачатки желания быть. Если он спросит себя: «Как я могу *быть*? Какие условия позволят мне быть?», он поймёт, что это подразумевает по крайней мере способность принимать и выполнять решения, которое не навязаны ему внешними силами. Он должен быть способен заботиться об объективном взгляде на самого себя. Он должен иметь твёрдость в том, чтобы делать усилия согласно своему собственному свободному решению, а не в результате воздействия внешних сил или вследствие побуждений собственного тщеславия и самомнения. Он не должен бояться неизвестного, потому что его путешествие к *бытию*

неизбежно вовлечёт его в незнакомые ситуации, которые могут полностью перевернуть все его представления о самом себе и о мире, в котором он живёт. Наконец, он должен не сжиматься от страдания, а рассматривать его как те самые деньги, которыми он оплатит своё становление.

Если таковы условия для создания старта по пути бытия, он может сильно отчаяться и ответить: «Кто же тогда будет спасён?»

При беспристрастном размышлении над этой ситуацией мы не можем не видеть, что возможность бытия зависит от подготовки, в которой ни один человек не может преуспеть больше, чем другой, за сомнительным исключением барона Мюнхгаузена, который смог вытянуть сам себя из грязи за волосы. Кроме того, должно быть очевидно, что такая подготовка может быть сделана только в течение периода формирования человека, когда целый склад ассоциаций, определяющих возможные переживания последующей жизни, внедряется в свежую восприимчивую мозговую систему растущего ребёнка.

Поэтому обязательно нужно, чтобы каждое поколение готовило следующему детей так, чтобы они могли стать ответственными существами, способными к объективному суждению, и понимающими, что за всё реальное надо платить, и что сознательная работа и намеренное страдание являются единственными средствами оплаты. Такое понимание не возникает спонтанно. Оно требует обучения, подкреплённого примером. Ребёнок беспомощен и зависим; и если эта работа не будет честно выполнена для него его родителями и учителями, он достигнет зрелого возраста, имея дефект в самом необходимом для своего становления и для исполнения своей судьбы.

Следует признать, что если в воспитании ребёнка есть серьёзный дефект по части этих обязательных требований, он будет лишён возможности стать тем, кем он должен быть, даже если не совершит ни одной собственной ошибки. Тягостно представить трагическую ситуацию, когда существо, имеющее такую наследственность, которая вполне позволяет ему достичь реального бытия, тем не менее, в результате дефектного воспитания и плохого примера, либо неспособно понимать, что ему необходимо, либо неспособно принять и выполнить решение работать над собой. Тот, кто начинает понимать это хотя бы в небольшой степени, не может не осознать, что подготовка следующего поколения до достижения им ответственного возраста – священная обязанность и должна стать одной из целей каждого нормального человека.

Цель образования может быть сформулирована в терминах, с большинством которых, я верю, согласились бы даже те, кто ещё не начал думать, что человеческая судьба требует изменения бытия. Мы могли бы, например, сказать: «цель образования состоит в том, чтобы произвести независимого человека, понимающего свои обязательства перед собой и миром, в котором он живет, чувствующего потребность выполнить эти обязательства и способного прилагать усилия и приносить жертвы необходимые для их выполнения».

Что же, фактически, современное человечество делает теперь для того, чтобы дать миру новое поколение, способное понимать и выполнять свои обязанности? Дети зачинаются очень часто без желания, и ещё более часто – случайно, людьми, даже не пытающимися понять экстраординарность события, которое они вызывают. После рождения дети подвергаются почти сразу же таким влияниям, которые неизбежно произведут в них тщеславие, своеволие, самомнение, недоверие, лживость, внушаемость, зависимость от других людей и стоящий в самом центре их существа эгоизм.

Когда смотришь на родителей с их детьми, возникает соблазн предположить, что они намеренно вызвали эти результаты. Они действуют смесью похвал и лести, ругани и репрессий. Своим неустойчивым поведением родители формируют в ребёнке адекватное и привычное ответное непо-

стоянство. Хваля и обвиняя только внешние действия и видимые проявления, они гасят в ребёнке естественное чувство важности того, что происходит в его внутреннем опыте. Пренебрегая внутренней жизнью – помимо наполнения ребёнка разного рода нелепостями, – они делают всё возможное, чтобы в нём утвердилось убеждение, что важно то, какими мы кажемся, а не какими являемся на самом деле.

Влияния, которые действуют на них почти с рождения, заставляют их думать и чувствовать, что только их внешние проявления, видимые другим людям, определяют их ценность. Действия, не замеченные другими людьми, потому ли, что они происходят в их внутреннем опыте, или потому, что они остались вне поля зрения других, прекращают иметь значение для самоудовольствования или стыда. Этот процесс интенсивно продолжается, пока дети остаются в контакте с родителями или няньками. В некоторых случаях делается акцент на лесть, и незаслуженной похвалы удостоиваются даже самые простейшие жесты. В других упор делается на резкое подавление внешних проявлений, не соответствующих некоторому искусственному кодексу поведения. Бывает даже порой, что одним родителем оказывается первый вид влияния на ребёнка, а другим – второй.

Последствия этого мало отличаются друг от друга, разве что изменится баланс между тщеславием и лживостью, своеволием и недоверием или другими характерными элементами психики среднего человека, но надо ясно понять, что заданное в детстве, влияет на всю жизнь. Семена тщеславия, демонстрируемые ещё до того, как ребенок начнёт говорить, могут дать урожай, который изуродует его жизнь и разрушит возможности самосозидания.

Затем ребёнок вступает в некоторое сообщество – школа или общество других детей – и в игру вступают новые факторы. Сильнейшее влияние теперь оказывают на него подобиострастие и страх перед мнением других. Как только он вступает в жизнь, где есть сообщество других детей, он начинает быть рабом так называемого «общественного мнения». Это рабство захватывает его всё больше и становится одним из доминирующих факторов, которые будут управлять его действиями всю оставшуюся жизнь. Он ничего не способен делать без того, чтобы озаботиться так или иначе мыслью о влиянии своих действий на мнение других людей, которые могут узнать о них.

Вся его жизнь начинает разделяться на две части. Одна состоит из его внешних проявлений, видных другим людям. Безразлично, принимает ли эта зависимость от других людей форму подобиострастия или бунта, касается ли это удовольствия или взбучки. Это одинаково, потому что в обоих случаях возможность внутренней независимости и внутреннего свободного суждения задушены. Другая часть его жизни – невидимая; в ней он разрешает развиваться и кристаллизоваться любым пагубным привычкам – умственным, эмоциональным и физическим, – слабо чувствуя или совсем не чувствуя стыда или вредных для себя последствий.

Второй вид влияния, существующий почти в каждой системе образования, – стимулирование усилий, направленных не на внутренние решения, а на соревнование и награду. Стремление добиваться прогресса не только в необходимых вещах – которые следует изучить, и для которых было бы несколько оправдано использование стимулов, – но также и в совершенно искусственных действиях (типа спортивных состязаний, игр и различных других социальных украшений, не служащих никакой полезной цели), становится для ребёнка чем-то самоценным и связывается в его голове даже с целью существования. Ребёнка учат, что важно, чтобы он имел превосходство над другими, особенно по тем позициям, которые видимы и ценятся в терминах некоторых внешних стереотипных критериев. Результаты этого сохраняются всю жизнь и вызывают странные и неправильные состояния в людях, типа амбиций, жажды похвалы и стремления доминировать и быть важными, которые оказывают са-

мое мрачное влияние на возможность нормальных человеческих отношений.

Таким образом, делается всё, чтобы повысить важность проявления и уменьшить важность реальности. Поэтому кто же будет стремиться иметь внутреннюю объективно оправданную самооценку? Можно говорить только об искренне беспристрастном самоодобрении. Не предпринять никаких эффективных шагов для осознания детьми, что основанием для своих действий должен стать беспристрастный взгляд на себя, сделанный изнутри и не зависящий от хороших или плохих мнений других людей. Хотя это иногда и обсуждается теоретически, но не включено эффективно ни в одну форму образования.

Не только эти искусственные и пагубные влияния действуют на новорожденного с раннего детства, продолжаясь весь критический период, в течение которого ребёнок подготавливается к своей взрослой жизни. Одним из таких влияний – и это применимо к большинству стран нашей так называемой современной цивилизации, и особенно к англоязычным странам, – является очень странное отношение к сексу. Взрослые находят по той или иной причине нежелательным или стеснительным объяснять детям самые необходимые вещи не только о физиологии человеческих сексуальных функций, но также и о той роли, которую секс играет или должен играть в жизни человека.

Вследствие этой особой стеснительности по поводу одной из таких наиболее существенных вещей, к которым дети должны подходить не со стеснением, а с пониманием, возникает целый ряд очень нежелательных последствий. Одно из них – сокрытие каждого сексуального контакта и связанное с этим развитие очень вредных привычек типа мастурбации и юного сексуального общения, которые имеют решающе злые последствия для всей взрослой жизни. Второе – объединённый результат сокрытия всего, что касается секса, и страха за отношение к этому других людей. Это очень часто предотвращает молодых людей от вступления в нормальные сексуальные отношения в браке, так что в итоге они лишены выгод от того процесса взаимного дополнения, которое является необходимым для нормального существования сексуальных существ. Наконец, при этом возникает умственная и эмоциональная навязчивая идея о самом сексуальном акте, что особенно вредно для формирования свободной независимой индивидуальности.

Что касается современного обучения, которое принимает форму очевидного успеха образования, то преподаваемые предметы и используемые методы взяты без всякого реального понимания потребностей взрослой жизни. Не преподаётся ничего о природе человека, о том, чем он является, и чем он мог бы стать. Ничего реально значимого не сообщается об обязанностях, которые человек имеет перед собой и перед своими братьями. Только случайно, и притом на основе эгоистического соперничества, что-то делается для повышения концентрации внимания на возможностях собственного тела, на способности противостоять усталости и боли или даже просто и естественно использовать функции своего тела.

В отношении потребностей эмоциональной жизни преобладает нечто худшее, чем неведение. Сама идея о том, что сделать беспристрастное эмоциональное суждение возможно только в том случае, если есть нечто, сформированное правильным развитием эмоциональных функций, не понято вообще. Это особенно серьезно, потому что способность приобретать знания из письменных источников и с помощью других методов передачи, широко доступных в наше время, таит безусловную опасность, если она не сбалансирована в равной степени развитием способности к критическому суждению.

То, что преподаётся, часто бывает странным и даже смехотворным; оно вообще ничего не говорит о пути, по которому пойдёт последующая жизнь юноши или девушки. Когда я спросил недавно

мальчика о его домашнем задании, то получил в ответ, что по истории ему задали выучить даты всех сражений в Английской Гражданской Войне. Можно ли придумать более бесполезную деятельность в тот период жизни молодого человека, когда есть так много, чему ему необходимо научиться? Кроме нелепого выучивания наизусть «фактов» без объяснения их значения или интерпретации, имеется множество так называемых интеллектуальных дисциплин, которые преподаются таким способом, который имеет самые серьезные последствия, то есть преподаются без всякой связи с любой конкретной действительностью. В результате в сам механизм мышления входит неспособность различать слова и смысл, который за ними стоит. Обучаемые дети таким образом лишаются в последующей жизни возможности нормального конкретного мышления и, будучи способны только жонглировать словами, становятся беззащитными жертвами лозунгов, которые они принимают даже без задержки для выяснения, соответствуют ли они чему-нибудь реальному.

В лучшем случае делаются только поверхностные попытки пробудить в детях желание понимать смысл, а не удовлетворяться лишь звучанием слов. Однако, поскольку хоть какое-то значение должно существовать в субъективных представлениях ребёнка, каждый приписывает словам, которые он слышит, специфическое субъективное значение, случайно возникающее у него в это мгновение, или значение, пришедшее от своего рода пропаганды.

Давайте возьмём одну дисциплину, математику, которая вносит свой вклад в рост этой нереальности в мышлении. По особой исторической причине математика с греческих времён пользовалась большим престижем. Этот предмет преподаётся без всякого учёта сравнительно редкой способности понимать и эффективно использовать необходимые для этого абстрактные операции. Однако, так как в детях очень сильна способность к имитации, они способны учить наизусть весьма сложные вещи без понимания их значения, что может вызвать ложное впечатление об их понимании. Кроме того, обычно не замечают, что многие математические действия требуют только моторных рефлексов и могут быть выполнены без всякого реального понимания их значения. Таким образом, дети внешне могут выглядеть опытными в математике, не усвоив при этом ничего из логических процессов или принципов абстрактного мышления. Тем, кто восстаёт против этих бессмысленных действий, просто ставят «плохо по математике».

Оказаться свидетелем обучения языкам, почти в любой школе и почти в любой стране, будет мучительно для того, кто познал чувство освобождения в момент «схватывания» процессов мышления иностранца. Среди почти всех европейских народов обучение иностранным языкам ограничено схожими языками той же самой европейской группы, так что дети растут, не осознавая специфических ограничений, которые накладывает лингвистическая форма, определяющая возможность выражать те или иные важные виды опыта.

Семитские языки, например, имеют гораздо большие возможности, чем европейские, поскольку концентрируют внимание на значении слов из-за постоянства основного значения каждого трёхбуквенного корня. Надо вступить с арабами в их кажущиеся бесконечными споры о смысле, чтобы понять в сравнении, как мало европейцев заинтересованы в заимствовании того, что они говорят. Агглютинативные языки центральной Азии (и также, думаю, китайский, хотя я не знаю китайского) имеют особую силу выражения тончайших оттенков различия в зависимости от степени сознательного намерения, вовлеченного в действие. Сейчас то, что ценность каждого действия прямо пропорциональна степени сознательного намерения, с которым оно выполнено – фундаментальный принцип, и вероятно потому в центральной Азии в течение тысячелетий не было никаких катастроф, что в этой части мира лучше всего понимают истинную природу человека. Европейский подход к семитским и

урало-алтайским языкам типично абсурден. Когда по каким-либо причинам эти языки преподаются европейцам, которые должны работать в восточных странах, фиктивная индо-европейская грамматическая форма излагается так, что маскируется истинная структура этих языков, и они изучаются весьма поверхностно, без всякого понимания их реальных возможностей. Только в очень редких случаях европейцы, войдя в близкий контакт с этими расами, входят во владение неожиданным сокровищем практической мудрости, хранимым в этих языках.

Обычное обучение языку так же далеко от этих вещей, как Лионский Угловой Дом от Тадж-Махала. Подавляющее большинство детей не только растёт без способности думать хотя бы на одном иностранном языке, но ещё тратит впустую годы, даже не приобретая способности понимания в самых простых ежедневных ситуациях. Их знакомство с иностранной литературой никогда не касается тех работ, в которых выражаются особенности мышления другой расы, и даже когда они добираются до возможности сдавать так называемые выпускные экзамены, они их сдают почти исключительно путём выучивания наизусть пассажей, которые и не пытаются понять, а также массы бесполезных данных о датах, жизнях и предполагаемых взаимосвязях различных авторов и их школ.

Через все разнообразные дисциплины школьного образования проходит одна общая нить: пренебрежение конкретным смыслом и опора исключительно на «способность манипулировать словами». Это неизменно сильно поощряется оценками на устных и письменных экзаменах, где никто не пытается касаться внутреннего понимания. Одним из трагических результатов этого процесса является появление во всем мире миллионов людей, полностью незащитных перед словесным внушением. Процессом так называемого образования мы формируем людей, неспособных к свободному независимому существованию и всё более и более зависящих от внешней поддержки почти в течение всей своей активной жизни.

Это одинаково относится и к работе, которую им приходится выполнять, чтобы заработать на жизнь, и к досугу, оказывающемуся принудительным в силу их неспособности занять себя самостоятельно. Работают ли они клерками в банках или рабочими на фабриках, они целиком полагаются на механическую жизнь, стараясь максимально освободить себя от любой необходимости принимать независимые решения. Когда кончается работа, они просто переходят в другое состояние зависимости, на этот раз – от отдыха. Они пассивно отвечают стереотипным внешним стимулам – кино, футболу и тому подобному – или же балуются совсем замечательными формами механической деятельности, например, часами заполняя турнирные таблицы футбольных команд, хотя вполне способны понять, что заполнение этих таблиц могло бы стать самой незначительной по расходу времени деятельностью.

Люди всё больше зависят от своего правительства и, управляясь им, всё больше требуют, чтобы оно регулировало их жизни. Другое любопытное явление сегодняшней жизни состоит в том, что там, где это регулирование не выполнено правительством, оно сделано рекламными агентами. В Соединенных Штатах почти вся жизнь человека регулируется и управляется рекламными объявлениями. Почти всё, что они будут делать или от выполнения чего воздержатся, с момента пробуждения до момента засыпания, фактически определено за них. Определяется всё обыкновенным процессом внушения, когда простым языком повторяются утверждения о том, что такая-то вещь сделает их благополучными или счастливыми, или даже (как это делается сейчас), что она соответствует американскому образу жизни. Творцы рекламы с верой, всегда оправдываемой результатом, опираются при этом на отсутствие всякой личной инициативы или способности сопротивляться повторяемому утверждению.

Всеобщая внушаемость сделала людей мира также беззащитными против политической пропаганды. Особенно грустно видеть, как это срабатывает, когда даже при мизерной дозе «обучения» масс таких стран как Индия и Россия с помощью оружия массового внушения малые группы людей могут завладеть почти неограниченной властью. В нашей так называемой современной цивилизации люди являются объектом политической пропаганды или внушений рекламных агентов независимо от того, живут ли они в так называемых «свободных» странах или в условиях «диктатуры». Нет никаких свободных личностей; всюду жизни людей определены и управляются серией стереотипных внешних стимулов, против которых они вообще не могут сопротивляться. Непосредственная причина этого – наше так называемое образование. Оно делает людей полностью приспособленными лишь к механическому существованию. Почти единственное эффективное достижение, приобретаемое большинством людей в процессе образования – способность читать, способность, которая является, возможно, самым большим несчастьем для любого внушаемого человека, не развившего в себе способность независимого критического суждения. Образование сделало также возможным особый процесс, который больше всякого другого отводит людей от любого контакта с действительностью. Этот процесс – современная журналистика.

Современные газеты разделены главным образом на три части: реклама, спортивные состязания и новости. Я уже упомянул повседневное рабство, поддерживаемое благодаря открытости внушениям рекламы. Возможность читать о спорте стимулирует особо опасную пассивность в использовании досуга. Это ведёт также к весьма искусственной системе ценностей, благодаря которой людям, приобретшим какой-то особый физический навык, предоставляется статус национальных героев. Я не должен, конечно, исключить имеющих множество поклонников искусственных героев, «выращенных» кинозвезд и других особо автоматизированных, беспомощных индивидуумов, чьи хозяева используют их для выражения совершенно нереальных ситуаций и эмоций и для дешёвого стимулирования искусственного сексуального отклика у очень большого числа людей.

Третий пункт, называемый «новостями», осуществляет наиболее специфическое влияние на человеческую жизнь. Почти неизменно новости в газетах неточны, Особенно когда касаются важных случаев. Информация, которую они содержат, никогда не бывает максимально точной, а вместо этого оказывается или сенсационной, или рассчитанной на то, чтобы вызвать у читателя определённое отношение к событию, которое, как владельцы и редакторы (обычно весьма мало осознающие тенденции) верят, будет желательным. Так, когда в 1939 году война стала неизбежной, вряд ли хоть одна газета в мире дала читателям истинную картину. Тот факт, что в настоящее время даётся совершенно ложная картина мировой экономической ситуации, вытекает в значительной степени из желания почти каждой газеты избежать публикации «новостей», которые снизили бы торговлю или уничтожили доверие к валютам.

Я попытался дать беспристрастное описание того, что мы называем «образованием», и последствий нашего поведения по отношению к детям от их рождения до момента, когда им уже необходимо стать свободными независимыми существами. Сумма всех этих воздействий не только разрушительна для обычной каждодневной жизни, но ещё более ужасно её влияние на возможность приобретения души. Под душой я подразумеваю нечто в человеке, которое должно быть им самим и должно быть свободно, независимо, способно противостоять внушению, способно принимать решения и придерживаться их. Усилия тех, кто отвечает за воспитание детей должны быть направлены прежде всего на то, чтобы обеспечить обладание этим нечто, а именно этого процесс образования и не даёт.

Возможно, я должен сейчас обратиться к так называемым «прогрессивным школам», провозглашённая цель которых – как раз дать ребёнку «быть самостоятельным». Это почти всегда делается путём избавления ребёнка от руководства и ограничений – как раз тогда, когда руководство и ограничение необходимы – и предоставление его влиянию, которое я называю «общественным мнением», то есть случайным предубеждениям и соглашениям сообщества, из детей которого состоит учреждение. Кроме того, ребёнок, уехав от родителей с уже посеянными в нём семенами эгоизма, тщеславия, сомнения, недоверия, лживости и прочего, находит в так называемых «свободных» условиях прогрессивной школы плодородную почву для порочного урожая, который отличается от урожая других образовательных учреждений только в демонстрации несколько менее привлекательного баланса между скрытым от глаз и внешним фасадом.

Теперь, для того, чтобы немного обрисовать, как должен и как может идти процесс формирования ребёнка как ответственного человека, давайте вернём наше внимание к реальной ситуации человека. Под формированием я понимаю переход от момента зачатия к моменту начала свободного независимого существования. Чтобы сделать процесс ясным, я должен обратиться снова к учению Гурджиева о природе человека.

Согласно этому учению человек имеет три независимые «одухотворённые части» или, проще говоря, три «ума», три «мозговых центра». Один – ум мышления, другой – ум эмоций, третий – ум инстинктов. Их называют независимыми одухотворёнными частями, чтобы указать, что каждый из них может стать центром человеческого опыта. Каждый имеет свой способ восприятия мира и реагирования. В должным образом сбалансированном человеке каждая из трех частей вносит свой незаменимый вклад в общее количество его понимания и в эффективность его действий. Человек, у которого неправильно развиты – или, как чаще бывает, забыты и оставлены неразвитыми – одна или несколько из этих частей, может иметь только односторонние, неполные реакции на мир. Поскольку для нормального развития каждая часть требует специального вида обучения, любая правильно построенная система образования должна прежде всего пытаться обеспечить достижение и поддержку этого баланса.

Чтобы узнать, в чём тут дело, надо понять, что каждому из трёх умов соответствует некоторый нервный механизм. Ум мышления находится почти полностью в мозговых полушариях. Он применяет знакомые процессы подобия и различия, вырабатывающие опыт согласия и отказа, который можно представить в виде слов и других символов. В каждый момент он работает с чрезвычайно малой долей всего накопленного и запасённого в памяти с раннего детства ассоциативного материала. В определённом смысле это очень сложный механизм, но в другом – очень простой, поскольку в конце концов результатом его работы является одно из слов «да» или «нет».

Ум эмоций работает совсем по-другому: без слов, в терминах суммарного переживания всего, что воздействует на человека в данный момент. Общее состояние организма выражается в деятельности симпатической нервной системы, которая является механизмом ума эмоций. Удовольствие и страдание, желание и отвращение, одобрение и неодобрение, все они возникают в нас более или менее независимо от нашего мышления, кроме тех случаев, когда иногда умственные ассоциации автоматически пробуждают эмоциональные. Мы редко осознаём деятельность, происходящую в нашем уме эмоций, ибо она принадлежит неосознанным или подсознательным областям человеческой психики.

Ум инстинктов расположен в той части, которая определяет все наши рефлексы и многие из наших моторных действий: в спинном мозге, некоторых ганглиях основания черепа и в лобных долях.

У нормальной личности каждая из этих трёх частей способна к сознательному жизненному опыту; однако, в значительной степени из-за неблагоприятных условий раннего детства и последующего неправильного образования дети растут так, что ум эмоций и ум инстинктов исключаются из их обычного сознания и переходят в подсознание. Таким путём их приводят к тому, что их существование оказывается связанным только с одной частью – думающим умом, которому они и приписывают слово «я».

Однако, другие две части продолжают действовать в них и оказывать решающее влияние на их поведение. Они – источник многих наших мотивов, а поскольку мы не понимаем их действие, большая доля наших поступков недоступна нашему сознанию и сознанию других людей. Если мы посмотрим на себя хоть немного объективно, мы увидим, что всё время выполняем действия, объяснения которых нельзя найти в том, что мы можем в тот момент подумать, и наши мысли даже могут полностью противоречить им.

Я предлагаю не обсуждать дальше три ума и средства, которые должны использоваться, чтобы гарантировать их полное гармоничное развитие. С этими вещами можно будет полностью познакомиться, когда труды Гурджиева станут доступными для тех, кто серьёзно желает изучить его идеи.

В терминах трёх умов нельзя полностью описать психическую конституцию человека. Человек должен ещё иметь не зависящую от них четвертую часть: своё собственное «Я». Оно должно быть сформировано в нём к моменту, когда он достигнет, как говорит Гурджиев, ответственного возраста. Только человек, обладающий «Я», может делать независимые суждения, быть способным противостоять внешним влияниям, сопротивляться внешним внушениям, и, прежде всего, делать беспристрастные суждения о себе. Только через такие беспристрастные или, как говорит Гурджиев, сознательные суждения о себе человек может совершить работу по обретению собственного бытия, о которой я упомянул в главе 1.

Вовсе не легко объяснить, что значит иметь «Я» или быть собой. Я пытался широко продемонстрировать⁷, что те аргументы, которыми люди пробуют убедить себя в том, что имеют «Я», ошибочны, и что всё, что можно наблюдать – последовательность частичных самостей, часто тривиальных и всегда непостоянных.

О человеке, «не знающем собственного мнения», не способном принимать решения в любом своём состоянии и при любых внешних обстоятельствах, нельзя сказать, что он обладает «Я». Всё, что можно сказать о нём, – внешнее: облик, имя, основные стереотипы поведения, по которым его узнают, но нет внутреннего единства, соответствующего этой внешней самости. Правда, человек говорит о себе «Я». Он интересуется собой и заботится о себе, он ожидает внимания и уважения к себе, он обижается, когда его третируют, и бывает польщённым, когда хвалят. Несуществующего «некто», являющегося объектом всей этой заботы, можно называть «воображаемым Я» или, проще, его эгоизмом.

Эгоизм – мнимый заместитель реального человека. Наличие реального «Я» несовместимо с эгоизмом, и эгоизм несовместим с реальным «Я». К сожалению, родительское внимание и то образование, которое я описал, формирует в детях эгоизм, а не реальное «Я». С самого раннего детства, будущее ответственное существо поощряют думать в терминах «я»: «я» хочу, «я» буду, «я» не буду.

⁷ См. J. G. Bennett. *The Crisis in Human Affairs*. London: Hodder & Stoughton, 1948, Chp. 3. (Беннет. *Кризис в человеческих делах*. Часть 3)

Такие импульсы неестественны и не присущи детям; они возникают и быстро набирают силу, потому что преданные родители и любящие няньки находят своего рода прелесть в этих эгоистических проявлениях. Они не видят в них предвестников самых неприятных качеств, которые будут сохраняться всю жизнь, если не будут позднее уничтожены сознательной работой и намеренными страданиями.

Наличие цели в жизни, выбранной самим собой на основе собственных суждений, а не как результат случайных влияний или преднамеренного внушения извне, является признаком реального «Я». Способность делать самостоятельные усилия для достижения цели без стимулов со стороны других людей (в виде страха или ожидания чего-нибудь) – другой признак. Отсюда следует, что реальное «Я» не может развиваться в ребёнке, подвластном общественному мнению, как результат подыгрывания ему или протеста. Тщеславие – особая форма подыгрывания мнению других, предотвращающая рост любой истинной индивидуальности. Оно выращивается в детях каждым словом неза заслуженной похвалы или лестии, а они получают их с того дня, как начинают разбираться в отношении к ним других людей.

Реальное «Я» возникает в борьбе, которая должна происходить внутри. Оно должно быть основано на внутреннем стандарте поведения, объединённом со способностью к беспристрастному личному суждению. Оно не может родиться в борьбе, вызванной внешним стимулом, в результате надежды на что-то или вследствие опасения чего-то, что может дать или сделать внешний мир.

Развитие у ребёнка такой способности может произойти только вследствие роста его собственного понимания, укреплённого примером тех старших, с кем он находится в контакте. На что может надеяться ребёнок, когда ответственные за его воспитание не знают, как развить его понимание и демонстрируют собственным примером, что они действуют как угодно, но только не опираясь на беспристрастное собственное суждение? Поэтому чрезвычайно мало детей достигают зрелости с чем-нибудь, соответствующим реальному «Я», или с каким-нибудь осознанием обязательств, которые сопровождают тех, кто владеет свободой говорить «да» или «нет» собственной судьбе.

Это приводит меня к последней основной отрицательной особенности фактически всех образовательных систем настоящего времени, а именно, к внедрению доктрины, что существовать значит иметь права. Для любого, кто хочет понять реальную ситуацию, это – пагубная доктрина, чреватая ужасными последствиями для личности и для нации. Правда прямо противоположна: существовать значит иметь обязанности. Коль скоро я живу как существо, имеющее какую-то степень свободы, я заимствовал что-то у Вселенной, потому что моя свобода обеспечена непременно за счёт Вселенной. Я что-то позаимствовал – свою свободу – и обязан это возместить. Я могу уклониться от обязательства и отказаться от моей свободы, смешавшись и исчезнув среди недифференцированной общности вещей. Этот курс открыт для меня; им следует огромное большинство людей.

Если же я желаю *быть*, я должен осознать, что существование есть нечто, за которое надо платить. Те доктрины, что учат противоположному, и таким образом поощряют людей считать, что они имеют права, которые разрешают им добиваться чего-то за счёт других, более ответственны, чем любые другие, за нынешние совершенно ужасные условия человеческой жизни.

Определяя цели образования, в начале этой главы я использовал выражение «понимание своих обязанностей перед собой и перед миром, в котором он живёт.» Обязанность может быть принята и выполнена только человеком, имеющим реальное «Я». В той степени, в какой образование терпит неудачу в достижении этой цели, оно предаёт свои обязанности. Не может быть никакого общего усовершенствования состояния мира, пока это не будет понято и сделано основанием каждой образовательной системы.

Удивительная особенность
истории науки
состоит в том, что несмотря на
очевидное непостоянство
всей научной теории,
всё время существует тенденция сделать
на основании модных
в данный момент теорий
окончательные заключения,
влияющие на наше отношение
к человеку и его месту во Вселенной.

Хотя ученые,
серьёзно размышляющие
над этими вопросами,
очень хорошо знают,
что теория – только подходящий
метод описания,
а не констатация фактов,
они не менее чем другие
склонны объявлять ненаучными
любые точки зрения,
противоречащие модным теориям.

Наука и философия – источник глупости

В двух предыдущих главах я пытался показать, что не нужно призывать никакие теологические или космологические теории, чтобы убедиться в том, что есть что-то глубоко неудовлетворительное в современной жизни человека, и что единственная надежда на его усовершенствование лежит в восстановлении баланса между властью человека над собой и его властью над природой. Я не скрывал свою собственную убежденность в том, что для понимания человеческой ситуации необходимо взглянуть на неё шире, в перспективе всеобщей цели; я также пытался показать, какова эта цель, согласно идеям Гурджиева, на которых и основана эта книга.

Когда высказываются разные точки зрения о Боге и о Вселенной, многие люди считают уместным задать вопрос: «Как вы думаете, можно ли это доказать научным образом?», предполагая, что научное доказательство является известной и безошибочной процедурой. Мнение о компетентности науки давать ответы на ключевые вопросы кажется таким распространённым, что перед дальнейшим продвижением, стоит посвятить целую главу анализу требований к науке, гарантирующих нам обеспечение надёжными знаниями о нас самих и мире, в котором мы живем.

Я буду использовать термин «наука» для обозначения группы процессов, направленных на приобретение знаний только путём использования чувственного восприятия, интеллектуального исследования данных, полученных этим чувственным восприятием, и выводов (индуктивных и дедуктивных) из результатов этих исследований. Я буду исключать из области науки данные чисто субъективного опыта, в том числе и любой вид вдохновлённого познания или открытия. Должен пояснить, что я делаю это различие, так как считаю его соответствующим современным представлениям о том, что научно и что ненаучно. Таким образом мы не сможем учитывать один обязательный элемент научной деятельности – «прыжок во тьму», благодаря которому формулируются новые гипотезы.

Такая договорённость не важна для нашей текущей цели, потому что большинство людей осознаёт сделанное мною различие. Но для того, чтобы избежать непонимания, добавлю, однако, что если говорить с позиций известной мне критики науки, я бы не хотел считать, что истинные знания нельзя получить путём наблюдений и выводов, а скорее считал бы, что чем более важными аспектами человека и его места во Вселенной мы интересуемся, тем более ложные наблюдения и более неправильные выводы мы делаем.

Наука сегодня пользуется большим престижем. Хотя она занимает у среднего человека меньше времени, чем спортивные состязания, кино, политические дискуссии или чтение газет, она, тем не менее, остаётся на заднем плане как главный столб, поддерживающий нашу веру в прогресс и превосходство нашей западной цивилизации над прошлыми и современными цивилизациями. Настолько, насколько средний человек верит хоть во что-нибудь, он верит в науку. Более того, настолько, насколько он отказывается верить в то или иное, он полагает, что это то или иное ненаучно или не может быть доказано научными методами.

Ситуация не нова, она существует с момента становления греческой философии. В течение более чем тысячи лет даже набожные люди считали неразумным верить в Бога, если нельзя «доказать его существование». Касаясь притязаний науки на исключительное обладание средствами обретения истинного знания, мы должны добавить к ней все те школы философской мысли, которые претендуют на получение своих полномочий из того же источника.

Прежде, чем мы сможем взяться за наше исследование, надо сделать ещё одно различие. Я определил науку как группу процессов для приобретения знания. Это отделяет её от технологии, определяемой как группа процессов для действий во внешнем мире. Сделав это различие, мы можем сразу увидеть, что престиж науки в значительной степени обязан не самой науке, а технологии. Мы ценим прежде всего достижения технологии. Большинство людей предполагает, что технология основана на науке: мы сначала познаём, затем делаем. Они указывают на многие современные отрасли промышленности, берущие начало в научных исследованиях. Успех этих отраслей в предоставлении человеку новых возможностей, о которых он и не мечтал, расценивается как подтверждение успеха науки. Мы говорим: «Посмотрите на паровой двигатель, на автомобиль, на радио, на все достижения химической промышленности. Разве можно отрицать, что наука имеет больше прав на наше уважение, чем все эти древние традиции, которые не сделали ничего сопоставимого для повышения стандартов человеческой жизни?»

Против науки выдвигают обвинение в том, что она более успешна в развитии оружия разрушения, чем в искусстве мира, что прогресс технологии поднял новые мрачные экономические проблемы, которых не было в более простом обществе. Я не буду касаться такой критики, поскольку на неё есть справедливый ответ: научная деятельность нейтральна к этим вопросам, а люди, неправильно использующие выводы науки, сами виноваты в плачевных результатах. Есть лишь один аспект этой ситуации, к которому я неоднократно уже обращался, – где мы окажемся, если моральный прогресс не станет соответствовать нашему возрастающему техническому могуществу.

Цель проводимого мной различия между наукой и техникой состоит в том, чтобы привлечь внимание к одному часто упускаемому моменту: предполагается, что технологические достижения есть результат полученных перед этим правильных знаний. Если бы это было так, из этого следовало бы, что достижение результата свидетельствует о понимании процесса, с помощью которого этот результат был достигнут. И хотя из этого не следовало бы, что наука, подкреплённая таким образом технологией, способна решить любой и каждый вопрос, было бы всё же некоторое подтверждение текущей «веры в науку», ведь мы хотели бы дойти до сути взаимосвязи между знанием и действием.

Давайте начнём с очень простого и очевидного примера. Все мы едим и более или менее успешно перевариваем нашу пищу, но из этого не следует, что мы понимаем процесс переваривания или что справедливы любые высказывания, которые мы можем сделать об энергии, необходимой для жизни человека, и о природе этой энергии. Однако, именно таким образом мы обычно говорим о так называемых практических достижениях науки. Мы думаем, что раз некоторый процесс успешно осуществлён, особенно, если в крупном масштабе, то все включённые в него явления, как минимум, поняты теми, кто его впервые открыл. И тогда мы продолжаем думать, что поскольку эти явления поняты, выводы, следующие из объяснений этого процесса, имеют особую справедливость. Мы говорим «было научно доказано» или «установлено наукой». Давайте посмотрим, насколько этот вывод применим к некоторым известным технологическим достижениям, которые я выбрал довольно случайно.

Можно начать с технической революции, с процесса, который после середины восемнадцатого столетия стал давать человечеству возможность использовать энергию в намного большем масштабе,

чем в любом известном предыдущем периоде. Его началом послужило сжигание угля вместо древесины. Каждый знает, что в восемнадцатом столетии угрожал кризис из-за недостатка древесины для производства необходимого нам железа; тогда мы научились жечь уголь вместо дерева. Хотя люди, начав успешно жечь уголь, изменили таким образом курс истории, существовали самые фантастические понятия о том, что происходит, когда что-нибудь горит. Теория флогестона⁸, которая в то время считалась «истинным научным знанием», была настолько абсурдной, что сегодня мы можем только удивляться ловкости, с которой учёные манипулировали фактами, чтобы её обосновать. Вся эта нелепость, тем не менее, не остановила быстрый рост использования угля и последующего преобразования жизни в западном мире. Только в конце восемнадцатого столетия, в 1783 году, французский химик Лавуазье впервые представил более разумную картину процесса сгорания в терминах комбинации элементов углерода, водорода и кислорода. Даже сейчас мы не можем говорить с полной уверенностью, что «знаем» природу пламени.

Рассмотрим теперь паровой двигатель. В середине 1770-ых шотландский изобретатель Джеймс Ватт сделал целый ряд изобретений, связанных с паровым двигателем, который стал вторым после сжигания угля главным фактором технической революции. В то время никто ничего не понимал в теории двигателей высокой температуры. Только намного позже, в 1824 году, Сади Карно (малоизвестный, плохо характеризовавшийся французским преподавателем математики, и умерший в возрасте 36 лет) создал теорию, которая дала некоторое понимание энергии пара и конструкции двигателя, необходимого для эффективного преобразования энергии. Это случилось на 60 лет позже того, как Ватт изобрёл паровой двигатель, в то время, когда люди уже считали эти экстраординарные достижения признаком того, что человек стал хозяином природы, и думали, как о само собой разумеющемся, что кое-что понимают и знают, как стать этим «хозяином».

За год или два до выхода труда Карно о цикле двигателя высокой температуры, Майкл Фарадей издал своё известное исследование о связи между электричеством и магнетизмом, которое привело ко всем изумительным технологическим достижениям электротехники, – третьему великому фактору изменения внешней жизни человека. Объяснение, которое Фарадей использовал в сообщении о своём открытии, было всего лишь беллетристкой, годящейся только для описания.

Только гораздо позже, в 1897 году, когда Д.Д.Томсон (J.J. Thomson) установил существование маленьких частиц, известных теперь как электроны, кое-что в природе электричества начало становиться понятным. Это случилось приблизительно семьдесятю пятью годами позже практических открытий Фарадея и после того, как технологический прогресс уже сделал электричество доступным для использования в крупном масштабе. Позднее представление об электроне как о крошечной компактной частице было заменено волновым представлением, и нет сомнения, что и оно будет в свою очередь заменено в соответствии с новыми теориями.

Тем временем, марш электрической технологии продолжается, и если средний человек вообще думает о чём-то, когда включает ток, он наверняка полагает, что учёные, которые специализируются на этих вопросах, знают, что такое электричество.

Атомная теория химии часто приводится в качестве примера возможности практической реа-

⁸ Высокая температура, являющаяся жидкостью, которая присутствует в химических составах, была первоначально предложена немецким химиком Георгом Стахлом. Эта идея была поддержана другими ранними химиками типа Карла Шила, Джозефа Пристли, и Генри Кавендиша. (прим. автора)

лизации при отсутствии знания того, что именно происходит. В течение большей части девятнадцатого столетия химическая наука сделала экстраординарный прогресс из-за того, что считала атомы постоянными и неделимыми объектами, идентичными друг другу для каждого химического элемента. неделимость атома так широко считалась «научно доказанной», что была использована в философских работах и служила основанием для таких представлений о действительности, которые оказали глубокое влияние на взгляды на природу и судьбу человека. Позже, когда теория неделимости атома была разрушена, основанные на ней убеждения продолжили жить и несколько не мешали современной мысли.

Поразительный пример перехода от знания к реализации мы находим в развитии так называемой теории эволюции. Базируя, в основном, свои аргументы на успехах человечества в выведении новых видов животных и растений, Дарвин заключил, что подобный же механизм мог бы действовать и при естественном происхождении новых видов. Успех этой теории в определении цепочки связи между живущими животными и растениями и теми, чьи скелеты сохранены в камнях, привёл к тому, что люди пропустили существенный факт, состоящий в полной неизвестности механизма, с помощью которого можно было бы выполнить внутреннее изменение, требуемое для возникновения нового вида. Вряд ли даже когда-либо делалось важнейшее различие между практическим достижением – успешной классификацией биологических данных – и пониманием процесса или способа, с помощью которого возникает вид. Здесь опять практическое достижение принято за подтверждение теории; для среднего человека биологическая эволюция, осуществляемая некоторым автоматическим механическим процессом, является «научно доказанной». И хотя возникновение генетики, происхождение которой никак не связано с теорией эволюции, дало нам некоторое понимание процесса размножения, оно пока не сумело раскрыть механизм, убедительный хотя бы для самих биологов, с помощью которого происходит разделение на два вида, не способных к скрещиванию. Несмотря на это концепция всеобщей эволюции как автоматического механического процесса принята в настоящее время почти без вопросов, а когда это входит в противоречие с ранее поддерживавшимися теологическими или философскими доктринами, они отвергаются или реконструируются в угоду предполагаемой «научной правде».

Удивительная особенность истории науки состоит в том, что, несмотря на очевидное непостоянство всей научной теории, всё время существует тенденция сделать на основании модных в данный момент теорий окончательные заключения, влияющие на наше отношение к человеку и его месту во Вселенной. Хотя учёные, серьёзно размышляющие над этими вопросами, очень хорошо знают, что теория – только подходящий метод описания, а не констатация фактов, они не менее, чем другие, склонны объявлять ненаучными любые точки зрения, противоречащие модным теориям.

Я убеждён, что это странное состояние ума во многом обязано путанице между наукой и техникой. Техника работает всюду и в очень крупных масштабах, это безусловный факт. Научная теория имеет гораздо меньшее отношение к этим достижениям, чем могут подумать люди. Мы можем быть свидетелями того, как учёные расшвыривают друг друга, предлагая теории и не допуская того, что какое-нибудь практическое достижение может прийти на ум не через знание, а через своего рода чутьё или ощущение пути, по которому будет идти естественный процесс. Многие великие учёные не увлекались теорией: при выполнении своих экспериментов они были ведомы этим чутьём природных процессов и таким образом устанавливали различные регулярности и законы, применимые на практике. Фарадей был одним из них; Пастер – другим; Резерфорд – третьим. Средний обыватель, тем не менее, склонен уважать научные теории, придавать им некоторую априорную законность, тем самым приравнивая их знаниям, и в результате сохранять веру в то, что теории могут быть или уже были

«научно доказаны».

Всё это очевидно для изучающих историю философии и науки. Если бы эта книга была написана для таких студентов, я бы тратил впустую своё и их время. К сожалению, те, которые в силу профессии знают эти вещи, редко осознают свой долг устранить всеобщее непонимание и доходчиво объяснить тем, кто так верит в науку, что научный метод гораздо более ограничен в своём применении, чем они полагают.

Прежде чем я оставляю эту тему, я хотел бы привести пример того, как в отсутствие поддержки со стороны технологических достижений научная теория оказывается совершенно ненадёжной. Речь идёт о происхождении солнечной системы. Детям преподают в школе, что солнечная система произошла из циркулирующей массы разреженного газа, который постепенно остывал и, сжимаясь, произвёл солнце, от которого, за счёт вращательного движения были отброшены планеты. Другими словами, им преподают некоторую версию теории Канта-Лапласа ста или семидесятилетней давности, которая окончательно продемонстрировала свою неспособность объяснить наблюдаемое распределение момента движения в солнечной системе.

Однако, вера в то, что солнце и планеты произошли подобным образом, почти полностью согласуется с не менее твёрдой верой из Книги Бытия, которой придерживались наши предки. Происхождение солнечной системы – деликатная тема для современных астрономов, поскольку выявляет в наибольшей степени наше полное незнание астрономических процессов. Все предложенные теории спекулятивны, случайны и созданы с целью предвзятым образом, как-нибудь, объяснить наблюдаемые факты.

Недавно в Лондоне состоялась конференция, обсуждавшая теории происхождения солнечной системы. Было выдвинуто несколько почти несовместимых теорий, и каждая настоятельно защищалась той школой, которой случилось её разработать. Но ни одна из этих теорий не смогла обосновать даже известные факты. Так, необъяснённым осталось то, что солнечная система имеет такие специфические соотношения масс и моментов, что некоторые астрономы предложили странную гипотезу о чрезвычайной редкости или даже уникальности нашей системы во Вселенной. Эта идея однажды уже была ошибочно принята в качестве обоснования веры в уникальность человека как единственного рационального существа на единственной обитаемой планете во Вселенной. Наша полная неспособность объяснить возникновение солнечной системы должна была бы вынудить сделать паузу тех, кто пытается строить научную космологию, основанную на предположении о неучастии любых сознательных агентов.

Теперь я перехожу к главной теме данной главы: росту и возможному господству теорий, основанных на допущении, что человек не имеет лучшего способа познания действительности, чем опора на собственный опыт и собственные интеллектуальные процессы. Это означает победу веры в человеческий разум над верой в божественное озарение. Вера в то, что человеку не на что больше положиться, как на себя и свой собственный разум, незаметно переходит в уверенность, что он может добиться успеха в своих делах, а это в свою очередь, когда дела идут плохо, оканчивается болезнью «надежды на лучшее». Кроме того, это несовместимо с доктриной о том, что мы не те, какими должны быть, и что в нас нет ничего, на что мы могли бы положиться, пока не создадим это нашей собственной сознательной работой и намеренным страданием.

Доктрина Гурджиева не иррациональна или антирациональна, она просто считает, что неразвитый и замусоренный разум людей – особенно после того, как они прошли через ужасный процесс современного образования – безнадежно не приспособлен к мудрой организации жизни. Я имел это в

виду, когда счёл правильным назвать главу «Наука и философия – источник глупости». Чтобы проиллюстрировать пагубное влияние веры в науку как в источник имеющего силу знания, я теперь собираюсь рассмотреть три стадии в развитии мысли, начиная с времён ранних греческих философов. Я выбрал их не потому, что они уникально важны, а потому что они иллюстрируют три больших ошибки, которые совершило человечество.

Греческая философия всегда играла, и продолжает играть, доминирующую роль в нашей мысли. Мы сделали совсем немного за 2500 лет, лишь развил и разукрасил идеи, полученные от греческих мыслителей. Я не буду возвращаться к истокам греческой философии, остановлюсь только на Аристотеле, чьи теории оставили свой след на всём нашем научном мышлении.

Аристотель очень долго пользовался у христианских и исламских народов престижем, который едва ли можно преувеличить. Мы должны обратить наши умы больше чем на тысячу лет назад, чтобы понять безоговорочное принятие его теорий почти каждой школой христианских и мусульманских мыслителей. Были времена, когда его считали божественно вдохновлённым учителем, и даже христианские богословы ценили его так высоко, что его авторитет был равен авторитету отцов церкви. Даже теперь, когда мы забыли или отреклись почти от всего, чему он учил, предложенный им способ мышления обосновался настолько фундаментально в наших умах, что мы вряд ли способны взглянуть на него со стороны и отнестись критически.

Склад мышления, кристаллизованный учением Аристотеля, казался весьма бедственно на всей последующей человеческой мысли. Речь идёт о представлении, будто человеческий ум способен делать окончательные выводы об истинности или ложности суждений, касающихся природы реальности. Правда, эта идея не Аристотеля, а более ранних греческих философов, но именно из (так называемой) аристотелевой логики это представление перешло и укрепилось в умах последующих поколений. Хотя теперь полностью признаны серьёзные ограничения дедуктивной логики, живо убеждение, что любая истина может быть выражена словами и понята человеческим умом. Схоластическая философия импортировала эту аксиому в теологические исследования, и средневековые видели странное зрелище, когда пытаясь доказать существование Бога логическим путём, обращались к нему с просьбой показать себя. Сохранность аристотелевых положений можно увидеть в современном требовании к любой доктрине быть «научно доказанной» прежде, чем она будет принята.

Гротескность всей этой процедуры должна быть очевидной для любого, имеющего хотя бы элементарное понятие о работе человеческого мозга, как об инструменте, способном только к очень ограниченному числу операций. Довольно ясно, что он работает почти исключительно на подтверждение или отрицание истинности одной из двух альтернативных возможностей, представленных в данное мгновение его пониманию. Он может работать только со словами или символами, передающими значения, которые при этом должны быть очень простыми, чтобы их вообще можно было использовать. Как только внутреннее содержание символа выходит за возможности непосредственного восприятия использующего его человека, он становится просто ярлыком, с которым человек работает как со своего рода умственной пустышкой.

Полагать, что такой инструмент является наивысшим из возможных для понимания действительности – самое опасное и невероятное занятие. Неизмеримо более вероятно, что Ньютон был прав, когда в разговоре об одном из самых больших достижений человеческого интеллекта, назвал себя ребёнком, играющим галькой на побережье, в то время как целый океан правды лежит перед ним неисследованным.

Второе большое бедствие пришло к западной философии намного позже, в начале семнадца-

того столетия, от Декарта, чьё воздействие на мировую мысль, к большому сожалению, случайно совпало с периодом удивительного успеха так называемой науки физики. Также, как Аристотель прежде всего ответственен за кристаллизацию и укрепление неправильного представления о превосходстве человеческого ума, так Декарт первым кристаллизовал и укрепил неправильное представление о природе реальности. Это представление разделило действительность на мысли и вещи, на сущность-мысль и «протяжённую сущность». Этот дуализм, который разделил на взаимно закрытые купе мир опыта и мир физических процессов, сделал максимум для того, чтобы уничтожить в умах людей возможность понимания истинной природы человека.

Концепции Декарта основательно антирелигиозны. Тем не менее, отчасти благодаря своему большому престижу, которым он пользовался из-за своих математических открытий, а отчасти благодаря его подобоострастному отношению к церкви, его доктрины проникли в религиозную мысль. Их вредный характер можно понять, если вспомнить, что, согласно учению Гурджиева, человек создаёт свою душу сознательной работой и намеренным страданием. Согласно же картезианскому дуализму, тело и душа должны быть неспособны к эффективному взаимодействию. Поэтому бессмысленно полагать, что работа и страдания тела могут напрямую внести вклад в рост души. И наоборот, мысль о том, что внутренним развитием человек может полностью трансформировать свою способность действовать во внешнем мире, также бессмысленна для любого строгого дуалиста.

Так случилось, что Декарт сам был великим физиком, жившим в начале того периода, когда физическая наука достигла выдающихся успехов, установив однородность процессов, происходящих во всех механических системах. Впервые в западной мысли был установлен закон, который казался имеющим всеобщую применимость, распространяясь не только на все земные явления, но и на небесные.

Достижения восточной мысли были в те времена неизвестны. Ещё не знали, например, что гораздо более великий мыслитель, Гаутама Будда, установил универсальные законы даже более революционной важности – доктрины всеобщей причинности и всеобщего распада. Ещё не знали, что столь же значимые законы, воздействующие на саму структуру реальности, были разработаны в доисторическом Китае. Более того, не знали, что в Азии давно существует знание, о котором никто не подозревает, и которое даёт возможность развития таких способностей у человека, по сравнению с которыми действия логического мышления просто детские игрушки. В отсутствие всего этого знания, открытия Декарта, Галилея, Ньютона и их преемников впечатлили их западных современников не меньше, чем сделали достижения Аристотеля и греческих физиков 1700 годами раньше.

Вера в то, что механистические объяснения природных процессов логичнее и последовательнее, чем концепции, ориентированные на преследование цели, – только одна из пагубных тенденций, заложенных в научную мысль картезианской философией. Ещё более бедственный результат внесло в понимание природы человека его отождествление со своим собственным процессом мышления. Понимание того, что человек обладает тремя одухотворёнными частями, каждая из которых для нормального сбалансированного существования должна вносить полный вклад, было достигнуто задолго до возникновения греческой философии. Его можно найти в древних Упанишадах и в другой ранней арийской литературе. Психологические исследования Гурджиева и его сотрудников показали, что всё это понималось и было претворено в практическую жизнь в шумерской и вавилонской цивилизациях, а также в потерянных цивилизациях центральной Азии.

Эта традиция дожила, и была отчасти воспринята Платоном и его последователями. Она, хотя и искажённо, и будучи серьёзно непонятой ранними отцами христианства, явилась частью их ранних

психологических учений. Она сохранялась на Западе, найдя выражение в трудах Майстера Экхарта и в различных школах мысли, оставшихся активными до семнадцатого столетия. Смертельный удар она получила от Декарта. С этих пор думающий ум стал считаться единственным органом познания у человека. Эмоции и инстинкты стали считаться либо вспомогательными функциями думающего ума, либо чисто физическими процессами, происходящими в теле. В собственном декартовом толковании страстей видна путаница между этими двумя концепциями. Те же, кто восставал против такого искажения фактов – например, английский физиолог-философ Джон Локк – остались непонятыми.

Только в конце девятнадцатого столетия психология снова осознала существование процессов, происходящих вне думающего ума, но, тем не менее, глубоко влияющих на человеческое поведение. Но и тут воздействие картезианской мысли осталось настолько сильным, что данные, вынуждавшие признать внематериальные процессы, интерпретировались не так, как следовало, то есть не в терминах трёх одухотворённых или потенциально сознательных частей человеческой психики.

Есть одно отдалённое последствие картезианского разделения реальности на сущность-мысль и протяжённую сущность, которое современным людям затрудняет понимание учения Гурджиева. Единственный способ преодоления противоречий дуалистической метафизики состоит в признании того, что материя и сознание (опыт) – два аспекта одной и той же реальности. Это представление было выдвинуто многими философами, особенно ярко – Уайтхедом, но никто не смог сделать необходимый шаг к пониманию того, что материя и сознание (опыт) – вещи разного порядка. Эту идею слегка понял Мак Таггарт в своей *Природе существования*, но его идеалистические наклонности помешали ему выразить её в конкретной форме. А она естественным образом следует из концепции вечности, рассмотрев которую я сделал несколько предварительных выводов в *Кризисе в человеческих делах*. Ясное и полное её описание и её значение для правильного понимания человека и его места во Вселенной сделал Гурджиев в своих трудах.

В подтверждение того, что влияние Декарта оказалось чрезвычайно бедственным для западной мысли, сказано достаточно. В основном, он ответственен за распространённость дуалистических теорий, отвернувших людей от понимания того, что человек может быть предназначен для самосоздания. Он способствовал в значительной степени вере в предпочтительность механических или причинных объяснений по сравнению с теми, которые привлекают для этого цель. Он поместил препятствия на пути понимания того, что человек имеет три ума. Он немало помог нашей неспособности видеть, что самость или «Я» в человеке не возникает автоматически, а должно быть рождена сознательной работой. Хотя номинально он был христианином и даже полностью подчинился церкви (есть свидетельства его отказа встретиться с Галилеем во время визита в Италию), его философия была несовместима с любым подлинным религиозным чувством, и его влияние внесло серьёзный вклад в возникновение атеизма в научной мысли.

Полагали, что картезианский дуализм не исключает прекрасное представление о судьбе человека. Человек представлялся как существо, имеющее две природы, обречённое годами постепенно освобождать себя от тяжёлой «материи» и всё более и более существовать как «дух», пока, в конечном счёте, материя не будет потеряна как изношенная одежда, и человеческий дух станет радоваться в лучах божественного духа.

Такие доктрины, я думаю, разбиваются о скалу психосоматического взаимодействия. Если дух и материя действуют друг на друга, они должны иметь некоторую общую собственность, которая делает дух материальным, а материю духовной. Стоит это допустить (что кажется неизбежным, если мы не готовы принять некую доктрину «заранее установленной» гармонии), «материя» и «дух» станут

просто названиями для различных градаций одной и той же изначальной субстанции.

Кроме того, для меня есть что-то более убедительное и роскошное в концепции спасения физического мира от дегенеративного влияния времени путём сознательной работы, чем в концепции бегства от материального мира, осуждённого на неизбежное разрушение. Доктрина Гурджиева о трёх видах существования делает дуализм ненужным, и я полагаю, что никто, если мог бы избежать этого, не пожелал бы барахтаться в болоте нерешённых противоречий.

Третьим бедствием, случившимся приблизительно две сотни лет спустя, стало проникновение в научную мысль и в мышление современников понимания эволюции как автоматического и неизбежного прогресса в восходящем направлении. Как уже часто отмечалось, идея прогресса является относительно новым фактором в человеческой мысли. Греки рассматривали исторический процесс как ряд циклов, в которых повторяются похожие ситуации. Существовала также идея о древнем Золотом веке, после которого началось прогрессивное ухудшение. Древним христианам – их концепция была взята не у греков, а у еврейских мыслителей – мир также представлялся находящимся в ситуации ухудшения, которая неизбежно закончится заключительным бедствием и последующим внезапным преобразованием в мир воскресения. Само собой разумеется, что понятие автоматического прогресса вовсе отсутствовало в восточной мысли.

Даже реформаторам восемнадцатого века, надежда на будущее не представлялась в виде автоматического прогресса, а скорее в виде разрушения тирании и возвращения человечества к нормальному существованию, соответствующему свойственным ему хорошим социальным задаткам.

Если связывать распространение у людей идеи прогресса с каким-то конкретным именем, то им, скорее всего, будет немецкий философ Гегель с его доктриной диалектики идеи. Гегель, конечно, был безоговорочным сторонником аристотелевой концепции о превосходстве разума: фактически, он рассматривал разум как фундаментальный закон природы, с помощью которого каждый человек приводится в гармонию со Вселенной. Начав с примитивного состояния недифференцированного бытия, закон разума, как он полагал, работал во времени так, чтобы возникали всё более высокие и более духовные виды существования, чтобы, наконец, в высшей точке достигнуть чистой идеи.

Сегодня не легко представить тот престиж, которым СИСТЕМА (именно заглавными буквами) пользовалась в начале девятнадцатого века. В явно страдающем и несправедливом мире, историческая нелепость утверждения Гегеля об уже наступившем Золотом веке стала причиной краха его доктрины. За мысль о неизбежности прогресса ухватились Энгельс и Маркс, сохранив гегелевский механизм, но интерпретировав его в материалистических терминах вместо духовных. В результате появилась их доктрина классового конфликта и неизбежности прихода другого века, в котором не будет несправедливости и страданий. По исторически несчастному случаю, публикация *Kanutama* почти совпала по дате с публикацией Дарвином книги *Происхождение видов*, которая внешне обеспечила «научное доказательство» законности доктрины неизбежности автоматического прогресса.

Снова родилась теория о необходимости научного подтверждения, которая не могла не привести к пагубным последствиям для следующих поколений. Я уже говорил о различии, которое необходимо делать между практической ценностью теории эволюции, как средства классификации биологических данных, и опасностью убеждённости в том, что механизм эволюции понят. Наличие эволюции биологических форм, хотя бы в пределах одного вида, может быть расценено как свидетельство против любой идеи законченности творения. Но совершенно другое дело считать, что эту эволюцию можно объяснить в терминах слепых случайных процессов, работающих без всякой цели, и лишённых любого вида сознательного руководства или направления. Ожидание Золотого века как ре-

зультата слепой классовой борьбы было так же ошибочно, как вера Гегеля в то, что совершенная форма государства вырастет из немецкой принципиальности.

Мы считаем само собой разумеющимся, что мы лучше, чем наши предки, и живём лучше них. В поддержку этой веры, мы опрометчиво искажаем очевидное и игнорируем те факты, которые нельзя объяснить. Принято, например, что наша наука и технология во всех отношениях прогрессивнее, чем всё, что существовало в далёком прошлом. Если бы это было правдой, было бы трудно оценить некоторые из достижений доисторического человека, например, одомашнивание животных и растений. Однажды, в ранней истории, человечество осознало экстраординарность этого технологического достижения. Наше существование в значительной степени зависит от успехов сельского хозяйства, происхождение которого уходит к самому рассвету истории. Со всем нашим прогрессом биологической науки, мы едва ли сумели одомашнить хоть одно животное или растение, неизвестное нашим ранним предкам. Правда, с помощью селекции мы сделали большие усовершенствования, но все наши достижения не впечатляют, если их сравнить с достижениями так называемого «примитивного» человека.

Есть и другое техническое достижение прошлого, в отношении которого мы фактически доказали сегодня свою неспособность. Речь идёт о создании новых лингвистических форм. Неудача различных попыток создать новый универсальный язык должна убедить любого, кто способен к беспристрастному мышлению, что высший уровень достижений принадлежит тем неизвестным предкам, кто между 10 и 20 тысячелетиями тому назад открыли средства применения абстрактных символов в процессах мышления человеческого ума. Только исходя из намеренного предубеждения можно сказать, что эти вещи были выполнены неосведомлёнными дикарями, работавшими слепым методом проб и ошибок или любым другим автоматическим бессознательным процессом.

Одно из вредных последствий доктрины автоматического слепого развития состоит в уводе нас от понимания того, что действительно возможен подлинный, хотя и совершенно другой, эволюционный процесс. Развитие от низших форм существования к высшим возможно, но только в результате сознательных целенаправленных действий. В этом пункте учение Гурджиева полностью расходится со всеми известными течениями науки и философии, начиная с греческих времен.

Идя против учения Аристотеля, он отрицает превосходство человеческого ума и его способностей познания; он утверждает что ум, наоборот, является ограниченным инструментом, который необходимо развить сознательной работой, и только тогда его можно будет назвать владеющим объективным разумом. Он отрицает картезианский дуализм мышления и протяжённую сущность и принимает теорию иерархии материи и опыта (сознания), в которой человек в его естественном неразвитом состоянии занимает низкое место, но может постепенно, шаг за шагом, повышать своё состояние, увеличивая степень своего развития, что будет делать его значимым не только для его непосредственного окружения, но и для космических целей самого высокого порядка.

Отрицая автоматическое обязательное развитие по Гегелю, Марксу и Дарвину, Гурджиев утверждает, что всякое продвижение в восходящем направлении должно быть намеренным и может быть достигнуто только сознательной работой и намеренным страданием. Я уже упомянул различие, которое он делает между тремя способами существования. Если понять значение этого различия, станет очевидно, что западная наука и философия, обладая всеми ключами правильного понимания, зашли в тупик из-за того, что не поняли один фундаментальный принцип: для того, чтобы *знать* необходимо *быть*.

Основатели великих религий
должны были заботиться
не о том,
чтобы предложить человеку что-то
внешнее для него
(суть доктрины, институт, «нечто»),
которое заняло бы некоторое место
в его жизни,
охраняло от определённых опасностей и обеспечивало
ему определённые выгоды; они должны были заботиться
о том,
как установить его на *путь*

Трагедия современной религии

Среди многих странных тем, преподаваемых детям на уроках географии, оказалась статистика, распределяющая население мира на различные расовые, экономические и культурные группы. На одной из страниц атласа вы находите карту мира, показывающую распределение различных религий, и статистику, указывающую, сколько буддистов, христиан, индусов, мусульман и других живёт в мире. Общее их количество – где-то более двух миллиардов (то есть приблизительно равно всему населению Земли), и ребёнок, если вообще думает на эту тему, заключает, естественно, что каждый живущий человек является либо буддистом, либо христианином, либо мусульманином и так далее, включая все напечатанные религиозные группы.

В чём-то это правильно, но остаются и вопросы: например, в атласе, который я только что просмотрел, разделение произведено на христиан, мусульман, конфуцианцев, буддистов, брахманистов и язычников. Последние, как показано, живут главным образом в Африке и в областях вблизи Северного полярного круга, и им милостиво отводится не более нескольких процентов населения мира! Теперь, если ребенок стал бы, как обычно делают дети, исследовать атлас, глядя на регионы, отмеченные цветом неязычников, он мог бы почувствовать утешение, видя, что Бог занимает так много места в жизни человека. Но ему, вероятно, было бы трудно укрепить это чувство, наблюдая жизнь контактирующих с ним взрослых, так что у него мог бы начать развиваться скептицизм, который распространился бы и на другие уроки географии.

Мы слишком хорошо знаем, что эти деления очень мало значат, если говорить о внутреннем убеждении, вере, жизненном пути и доминирующих мотивах человека. В то же время мы связываем с термином «религия» некоторую концепцию, некоторую веру и жизненный путь. Если религия не означает хотя бы этого, она не означает вообще ничего. Большинство людей имеет некоторое представление (хотя часто чрезвычайно далёкое от истины) о том, что говорят различные религии о человеке, его судьбе и пути, которым он должен следовать.

Начнём с простого вопроса, насколько жизнь различных человеческих общностей соответствует предписаниям той религии, которой они придерживаются. По последним статистическим данным, буддизм с его производными имеет самое большое число последователей. Мы не должны слишком доверять этим цифрам, ибо те, кто их готовит, обычно имеют очень слабое знание о содержании религиозных учений и полагаются на названия или устные описания, данные другими почти столь же неосведомлёнными людьми. Мы можем, однако, сказать, что имеются большие регионы мира, где традиции буддизма доминируют в религиозной жизни. Уважение ко всему живому и воздержание от любой формы насилия всегда было особенностью традиции буддизма. В течение долгого времени это работало на уменьшение возможности войны и привело к почти полному исчезновению захватнических войн. То, что ужас войны был чем-то очень реальным для древнего буддиста, можно видеть в указах Скалы индийского короля Асоки и в результатах работы первых миссионеров-буддистов в Китае. Что же теперь? Этот бич человечества распространён главным обра-

зом в регионах, помеченных на картах как буддистские. Больше половины «буддистов» заняты той или иной формой военной или гражданской борьбы.

Можно посмотреть и на жизни индивидуумов. Центральной частью, возможно, самой сущностью, учения, которое Гаутама Будда передавал своим личным ученикам, было то, что только своими собственными усилиями человек может освободиться от бесконечного страдания телесного существования. Марга, восьмиступенчатый Путь личных усилий, был единственным средством избавления от присущих человеку дефектов, которые не дают ему достичь освобождения. Согласно древнейшей традиции последними словами Гаутамы Будды перед смертью были: «Усердно завершите вашу работу по собственному спасению». Будучи негативно настроенным ко всем формам внешнего ритуала, он особенно осуждал жертвы или ритуальные приношения, потому что они отвлекали человека от осознания того, что всё зависит от его собственной внутренней работы. Сегодня же в буддистских странах мы всюду видим храмы с разработанными ритуалами, священников, играющих ту самую роль посредника между человеком и высшими силами, которую осудил в современных ему брахманах сам основатель их религии.

Напряженная работа по внутреннему сосредоточению, обозначаемая в языке пали словом *самти-самрайя*, призывающая каждого буддиста постоянно практиковаться во внимании и самообладании, приняла изобретательную форму молитвенных колес, приводимых в движение щелчком пальцев. Уже одно это доказывает слишком много! Имеются молитвенные колеса, которыми управляет ветер; недавно даже ресурсы западной технологии были привлечены к обслуживанию молитвенных колес: теперь их можно установить и постоянно приводить в движение электрическими двигателями. Я не отрицаю, что есть много тысяч набожных буддистов, но большинство даже таких развлекательного вида верований явно отвергается в наиболее подлинных записях личного учения Гаутамы.

Во всех записях Гаутама предстаёт высмеивающим всевозможные предположения о конечной судьбе человека. Он учил, что бесполезно спрашивать, будет ли существовать человек после смерти, выживет ли его индивидуальность в какой-то форме, будут ли существовать в пространстве и времени просветлённые существа, ставшие архатами. Ни один из этих вопросов не может быть понят тем, кто не просветлён; он лишь должен просто придерживаться обязанностей Пути. Сегодня буддизм, как и любая другая религия, полон доктрин о небе и аде и сложных теорий о будущей жизни.

В Индии почти две тысячи лет назад буддизм был вытеснен индуизмом, и было восстановлено наследственное брахманское духовенство. Брахманизм в исходном виде основан на очень простом и прекрасном учении о том, что человек (*пуруша*) создан по образу своего создателя (*Пуруши*) и что его наивысшее счастье состоит в избавлении себя от иллюзии собственной отдельной индивидуальности для того, чтобы осознать для себя окончательную истину, что Атман есть Брахман. Всего лишь несколько столетий назад индуизм в Индии был живой силой для большинства людей, живших в ужасных условиях притеснения по законам монгольских захватчиков. Из этих притеснений и страданий дистиллировался прекрасный жизненный Путь. Учителя этого Пути уважались как великие люди, хотя они не обладали ни экклизиастическим авторитетом, ни политической властью. Что представляет собой индуизм сегодня? Он стал просто политическим ярлыком. Быть индусом – значит быть в антагонизме с не индусами и, особенно, с христианами и мусульманами. Очень мало осталось чего-нибудь похожего на религиозный образ жизни. Простота примитивной доктрины была заменена сложной верой в богов, определяемых по владению особыми человеческими достоинствами или даже физическими способностями и политическими атрибутами. В тантрических школах есть, конечно, ещё много ценного и подлинного знания о человеке и методах развития его скрытых способностей.

Имеются также несомненно подлинные школы, в которых было сохранено практическое знание этих методов.

Европейские путешественники могут без особого труда войти в контакт с некоторыми из этих школ и найти личного учителя, оказывающего огромное влияние на своё небольшое окружение, но для больших масс индусского населения религия стала средством, с помощью которого их внушаемость эксплуатируется в политических целях. Странная смесь восточных и западных идей овладела «интеллигенцией», для которой религия имеет мало общего и с внутренней верой, и с внешним образом жизни.

Ислам, следующая из великих религий, достиг существующего распространения только за последнюю тысячу лет. Без сомнения это одна из причин, по которой он в целом меньше отошёл от учения своего основателя, чем другие великие религии мира. Его учение, кроме того, содержится в документах высокой степени подлинности: Коране и Хадисате (Hadissat). Вероятно, прежде всего благодаря практической мудрости Магомета его последователи во многих странах всё ещё практикуют почти те же методы самодисциплины, которые он предписал в форме *намаза*, пятикратной ежедневной канонической молитвы, сохранившейся и не выродившейся в бормотание формул, сопровождаемое движениями.

Ежегодный Рамадан, месяц голодовки, придуман для обеспечения простой практической задачи. Для этой же цели служит хадж, обязанность сделать раз в жизни паломничество в святые места. В результате человеку, называющему себя мусульманином, трудно избежать определённых действий в своей внешней жизни. Кроме того, во многих мусульманских странах кодексы поведения, описанные в Хадисате, были положены в основу политической юриспруденции, и закон шариата поддерживает связь между религиозной и гражданской жизнью, чего нет в большинстве других частей мира.

Хотя практические требования, предъявляемые к верующим мусульманам, довольно просты, они оказались очень полезными для большинства исламских общин, особенно для тех, которые находились в близком контакте с влиянием Запада. Из-за странной склонности людей превращать хорошие общественные институты в средства для достижения вредных результатов, объединение гражданской и религиозной жизни явило тенденцию к вырождению исламской веры в политический фанатизм. Во многих частях мира звание мусульманина носит политический оттенок. Не так давно панисламизм угрожал стать серьёзным политическим фактором в мире; однако на практике стало очевидно, что огонь религиозного убеждения горел настолько слабо, что очень немногие мусульмане оказались готовы на любую личную жертву для достижения своих декларированных идеалов. Кредо ислама стало лишь предметом разговора (может быть, более правильно, – предметом крика), не многим более того.

Было бы совсем неправильно полагать, что в каждой мусульманской стране нет множества набобных мусульман, живущих простым кредо: человек существует для служения Богу и должен сломать барьеры, которые его собственные дефекты и слабости построили между ним и его Создателем. Я встречал многих мусульман, простота общения и праведность жизни которых делают их примером для всех нас. Имеются и более глубокие традиции, из которых наиболее известен суфизм, сохраняющий знание древних методов развития скрытых способностей человека.

До сих пор многие из них широко практикуются дервишами, живущими либо в общинах, либо вдали от мира, в уединенных местах. В Оттоманской империи очень уважались дервиши, а их братства, принадлежностью к которым гордились члены семьи императора, оказывали большое влияние, притом почти без тени политики. Одним из решающих последствий крушения Оттоманской империи

стал роспуск общин дервишей в Турции, а также кампания по распространению небылиц и клеветы на их образ жизни, предпринятая с целью «модернизации» турок. Знание практических методов, помогающих работе самосозидания путём «сознательной работы и намеренного страдания», которым обладали различные братства дервишей, не было полностью потеряно, но стало неизмеримо более трудным для доступа. Это большая неудача, потому что данное знание имеет более высокую практическую ценность, чем знание самых известных мистических школ Индии. Всего лишь тридцать лет назад, оказавшись в Турции, я мог бы много узнать о работе дервишей, к которым относились с большим уважением. За это сравнительно короткое время всё настолько изменилось, что принадлежность к сообществу дервишей или даже открытый разговор о них является теперь политическим, если не уголовным, нарушением. Вот мера скорости, с которой исчезает реальный смысл религиозной жизни в прежних мусульманских странах.

Учения Моисея и еврейских пророков положили начало таким фундаментальным религиозным концепциям почти половины мира, как, например, единобожие и вера в святых, посланных или созданных Богом, чтобы быть посредниками между Ним и человеком. Некоторые правила поведения, заданные законом Моисея, признаются одинаково евреями, мусульманами и христианами, но осталось ещё несколько миллионов людей, принадлежащих главным образом одной расе, твёрдо придерживающихся первоначальной моисеевой традиции. Даже для подавляющего большинства евреев религия Моисея перестала играть эффективную роль и во внутренней, и во внешней жизни.

Иудаизм, также как индуизм и ислам, стал политическим кредо. (Говорят, что евреи теперь делятся на три категории: иудаисты, сионисты, и ни те, ни другие). Как и во всех общинах, среди евреев есть преданные сторонники иудаизма, чьи жизни регулируются кодексом поведения, предписанным законом Моисея и Талмудом, которые верят в Бога своих отцов и надеются выполнять его желания. Есть также раввины, всё ещё сохраняющие древнее традиционное знание, передаваемое от поколения к поколению. К сожалению, их становится меньше и им труднее встречаться. Ослабли даже такие замечательные еврейские качества, как способность объединяться, жить гармоничной семейной жизнью и сохранять силу духа в преследованиях; духовная сила иудаизма была поглощена политическими амбициями и целями, порой мало достойными восхищения.

Для полноты истории следует обратить наше внимание к христианству. Тут предстаёт наиболее мрачная картина. На карте мира многие области закрашены в цвет, которым обозначена христианская вера. Изготовители этих карт – возможно, не зная, как тут поступить, – всё ещё красят в этот цвет страны, в конституциях которых записан отказ от любой религии, и где признанными каналами официальной пропаганды являются отделения организации со странным названием «Общество безбожников». История христианства в Советской России, начиная с Октябрьской революции, является историей простой политической целесообразности. В период войны с 1939 до 1945 год внезапно выяснилось, что религиозные проповеди помогают военной морали. В другой период «терпимость» по отношению к религиозным общинам оказалась также хорошим оружием пропаганды в других странах.

Мы можем легко вознегодовать от такой трактовки и такого отношения к религиозной жизни, но в каком смысле любая «христианская» страна может утверждать, что она христианская не только по названию? Какая малая их часть делает хоть что-нибудь, чтобы можно было сказать, что христианское учение играет роль в жизни, в доминирующих мотивах, в вере большинства людей, названных христианами? В отношении этих трёх вещей учение Иисуса Христа однозначно. Он проповедовал доктрину Царства и утверждал, что если поиск Царства не стал доминирующим мотивом в жизни че-

ловека, он сам и все его труды будут неизбежно разрушены. Он также описал образ жизни, которым только и можно достигнуть Царства Небесного.

Какие бы различные доктрины или мнения ни существовали среди множества конфликтующих христианских сект, никто не может отрицать эти высказывания, не подвергнув сомнению подлинность единственных надежных записей того, что Иисус Христос лично говорил своим ученикам, но ни одна другая религия мира не игнорирует таким полным образом предписания своего основателя.

Священность человеческой жизни и отвращение к насилию – прозвучавшие в крайней форме в стихе, начинающемся словами «А Я говорю вам, не противься злу», – так чётко выражены в словах Иисуса, что никаким искажением их нельзя привести в гармонию с одобрением какого бы то ни было вида войны. Наиболее вероятно, что непосредственной причиной распятия на кресте была отказ Иисуса санкционировать даже видимость согласия на мессианское восстание против римлян. Тем не менее, вся история христиан есть история войн, завоеваний, притеснений и насилия. Даже событием, благодаря которому христианство в 312 году н.э. стало мировой силой – было принято в качестве официальной религии в Римской Империи – стало сражение, в котором слова *en touto vika* были приняты в качестве лозунга, поощряющего римские отряды к безжалостной резне.

Американский континент, самая большая отдельная область мира, окрашенная в цвет христианства, стал христианским путём завоевательных и истребительных войн, ужас которых не имеет никакой параллели во всей зарегистрированной истории. Мы, возможно, в какой-то степени переросли привычку делить человечество на христиан и язычников, считая христианский мир совершенно (или, по крайней мере, существенно) хорошим, а мир язычников совершенно (или, по крайней мере, существенно) плохим; но всё ещё мы находим возможным ощущать странное самодовольное удовлетворение по поводу превосходства христианской традиции и «христианского образа жизни» над любым другим.

Живя среди людей других религий, я не наблюдал такого же отношения с их стороны к нам, а скорее видел не искажённое жалостью удивление тем, насколько мы не способны видеть себя такими, какие мы есть на самом деле. Если вам удастся искренне поговорить с азиатами, вы найдёте не столько чувство превосходства, сколько неспособность понять, как могут христиане расценивать свою религию как имеющую наивысшую ценность или как способную установить хороший образ жизни. Они указывают на историю христианского мира и просят нас объяснить последовательность войн и революций, безжалостного разрушения и бездушной жестокости, которые были гораздо более распространены в христианском мире, чем в любой другой части Земли. Многие из них читали христианские Евангелия и восхищались возвышенными пассажами, в которых Христос говорит: «Благословенны миротворцы» и «Любите врагов своих». Они спрашивают, как могут западные люди называть себя христианами. Они ощущают удивление и сострадание по поводу наших неудач, но не могут скрыть отвращение, вызываемое нашим лицемерием.

Убогому аргументу, что христианство нельзя было распространить иначе, как путём завоеваний, противостоит пример миссионеров-буддистов, которые обратили в свою веру Тибет и Китай без оружия, силой своих идей. Довод о том, что все мы тогда были дикарями и что зло прошлого надо забыть в свете великолетия настоящего, мало убеждает мирных людей, только что видевших христианские нации вышедшими из двух самых свирепых войн истории только для того, чтобы начать подготовку к участию в третьей.

Период завоевательных войн и религиозных преследований весьма кстати кажется отдалён-

ным, и если что-то не нравится нам сегодня, мы можем утешать себя мыслью, что это следствие ослабления религиозного чувства и что религиозное возрождение вернуло бы нас к лучшему образу жизни. Легко увидеть, как мало реальности заключено в любой подобной надежде, если обратить своё внимание на тот период, когда религиозные возрождения были в порядке дня. Это было в период технической революции (с 1750 по 1850), в период, на который любой человек и любая раса должны смотреть со стыдом. В течение этого периода бок о бок произошли и неистовые проповеди христианских доктрин, и восстание против либерализма предыдущего столетия, и безжалостное порабощение людей своей же расы, и установление кредо угнетения. Люди, которые растоптали каждый завет учения Иисуса, очень часто были реформаторами в своей внешней профессиональной христианской жизни. Человек, молившийся и читавший Библию перед своим семейством и слугами, спешил на свою фабрику, набитую потными рабочими (часто – детьми), и, не раздумывая, упражнялся во властвовании и накоплении богатства.

Окончательное избавление от этих несправедливостей пришло, в основном, не благодаря работе христианских реформаторов, а в результате борьбы людей, восставших против христианских институтов. Христианское учение так низко пало в глазах многих, что широко распространилась идея о том, что продвижение в сторону большей терпимости и лучших отношений между людьми зависит от окончательной «ликвидации» религиозных суеверий. Эта активная враждебность к религии – новое явление, которое возникло почти исключительно в странах, называющих себя христианскими.

Можно возразить, что я нападаю на несуществующий христианский мир, и что никто всерьёз не считает, что всё население «христианских» стран является в каком-нибудь реальном смысле христианами; и чтобы судить об истинном положении христианской веры, мы должны смотреть на набожных и практикующих членов христианских церквей. Использование во множественном числе слова церковь напоминает нам, что набожные и практикующие христиане не объединены между собой и что завет «Любите друг друга» давно был поглощён *odium theologicum*. Может быть, это покажется обидным кому-нибудь из тех многих тысяч людей, кто честно пытается жить христианской жизнью в соответствии с той конкретной формой христианства, с которой им случилось быть связанными, но мы имеем право задать один критический вопрос: «Как далека церковная практика и даже проповедь от учения Иисуса Христа?» Почти каждое его положение дезавуировано и заменено концепциями, берущими начало в греческой философии или в более поздней философской нерелигиозной мысли, о чём я уже писал в предшествующей главе.

Здесь я должен вернуться к одной решающей проблеме, упоминавшейся уже несколько раз – отношению христианских церквей к войне. Все мы знаем, что на нашей памяти не прозвучало фактически ни одного протеста ни от одной из христианских церквей против всех ужасов только что закончившейся войны. Злодеяния с той и другой стороны совершались без осуждения. Возможно кульминацией всего ужаса стало уничтожение атомными бомбами десятков тысяч беспомощных женщин и детей Японии. За исключением относительно маленьких сект, сделавших осуждение насилия главной чертой своих учений, как малочисленны и слабы были голоса христиан, священнослужителей или обывателей, поднявшихся лишь против «ответных мер» и ненужного разрушения, не говоря уже о самой войне. Со скольких кафедр можем мы сегодня услышать проповедь: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую?»

Те, кто замечают всё это, часто имеют тенденцию говорить о «неудаче религии», имея в виду, что религия «должна» была «преуспеть». Можно услышать, как люди говорят: «Если это всё, что религия сделала для человечества, мы лучше обойдёмся без неё». Другие говорят: «Для нас нет никакой

надежды, пока мы не найдём путь сделать религию успешной».

Слово религия употребляется в смысле некоего мероприятия, которое можно оценить в терминах успеха или неудачи, и таким образом это понятие становится внешним по отношению к человеку, позволяя человеку выражать своё мнение о нём, оценивать его. Тогда оказывается само собой разумеющимся, что есть нечто, обозначаемое словом религия, которое может быть хорошим или плохим, правильным или неправильным, успешным или неудачным и так далее. Читатель, привыкший к определённом способу мышления, вероятно, задастся вопросом, куда я веду, и с нетерпением подумает, что в этой серьёзной ситуации я занимаюсь казуистикой о смысле слов; однако так уж случилось, что благодаря использованию слова религия в нашем мышлении возникло и закрепилось очень серьёзное непонимание. Я сам использовал это слово в данной главе главным образом для того, чтобы показать противоречие, к которому это ведёт. Когда мы пробуем «пощупать» религию, мы не находим ничего, кроме массы нереальностей; и всё же мы вынуждены признать, что что-то очень важное и очень необходимое для жизни человека скрыто в опыте и жизнях людей, следовавших религиозным путем.

Мне кажется, что одна из причин путаницы – само слово *религия*. Это языческое слово. Оно появилось в латинском языке намного раньше возникновения христианства и означало определённый раздел человеческой деятельности, связанный с делами богов. Для древних римлян религия в этом смысле никоим образом не была центром жизни человека. И не было ни безбожия, ни пренебрежения своим долгом в том, что глубокие раздумья о божественных делах, о которых говорил Цицерон, были оставлены специалистам, а римские граждане, и аристократы, и плебеи, довольствовались исполнением минимальных обязанностей, требуемых традицией. Концепция религии как раздела жизни осталась и после завоевания христианами Римской империи. Греческая мысль не разделяла искусство, религию, философию или стремление к красоте, совершенству и правде на независимые разделы человеческих целей; это разделение по различным причинам, требующим слишком долгого обсуждения, приобретало влияние постепенно и в наше время установилось окончательно. Значимым результатом этого стало помещение религиозной деятельности на более или менее одинаковый уровень с другими видами деятельности человека, что входит в прямой конфликт с учениями основателей великих религий.

Примечательно, что в Евангелиях слово религия не встречается ни разу. Дважды в Деяниях и один раз в Посланиях мы встречаем слово $\theta\rho\upsilon\sigma\kappa\epsilon\iota\alpha$, которое переведено как «религия», но в действительности оно не эквивалентно слову религия; оно означает скорее обожание или поклонение. Ни в одном учении не используется слово, эквивалентное слову религия. Одной из наших привычек при переводе с языков, сильно отличающихся от нашего собственного, является использование ложных эквивалентов без осознания того, к какому недоразумению это приведёт. Обычно переводят, например, санскритские слова *Dharma* и *Pali Dhamma* как «религия», в то время как они означают только «система» или «метод». Слова буддиста «я верю в Будду, я верю в Dharma, я верю в Sangha», – декларация веры не в религиозное учение, а в эффективность методов, принадлежащих Пути учения Гаутамы. Арабское слово *Din* переводится обычно как «религия», но его смысл ближе к идее расплаты или суда. Ближе к используемому нами слову «религия» слово «ислам», что означает спасение.

В задачу основателей великих религий не входило предлагать человеку что-то внешнее по отношению к нему – основу доктрины, институт, «нечто», – которое заняло бы некоторое место в его жизни, охраняло бы его от определённых опасностей и гарантировало ему определённые выгоды; они хотели установить его на *путь*, путь спасения, путь к царству. В их учениях не было ничего, не имеющего прямого отношения, или сложного.

«В этой заповеди, которую я говорю сегодня, ничто не скрыто от вас и ничто не далеко. Не на небесах находится то, что вам надо сказать. Кто взлетит на небо и принесёт это нам, чтобы мы могли услышать и сделать это? И в море нет того, что вам необходимо сказать. Кто пройдёт всё море для нас и принесёт это нам, чтобы мы могли услышать и сделать это? Но это слово очень близко от вас, у вас во рту, у вас в сердце, и вы можете сделать это. Ведь я заранее установил и этот день вашей жизни, и добро, и смерть, и зло. И я наказываю вам сегодня любить Господа вашего, идти по Его пути и следовать Его заповедям, Его уставу и Его суду, так что вы можете жить и умножаться, и Господь Бог благословит вас на том месте, куда вы направитесь, чтобы владеть им».

Неизменной чертой подлинного учения любого из основателей является отсутствие всяких теологических спекуляций и этических теорий и выделение фундаментального принципа – самосовершенствования через сознательную работу и намеренное страдание. Гораздо легче делать предположения относительно природы Бога и формулировать правила поведения, чем бороться с собственными дефектами и жить по диктату совести. В то время как идея сознательной борьбы может разделяться людьми любой расы и любых убеждений, теологические догмы и этические системы являются наиболее плодотворными источниками недоразумений и конфликтов.

Чтобы понять, как практика скатывается к теории, взглянем на типичную последовательность событий при развитии религии. Сначала появляется простое и практичное учение основателя, свободное от философии или теологических спекуляций. Затем вырастают легенды, которые помещают события жизни и смерти основателя в ложную человеческую перспективу. Это в свою очередь ведёт к ложным ожиданиям, разочарованиям и возврату к философии и спекулятивному богословию, как средствам, дающим в свою очередь санкцию на организацию роста будущей церкви. Тогда наступает завоевание мира: так буддизм был побеждён Асокой, а христианство – Константином.

Цена завоевания – разрыв всяческого контакта с учением основателя и подмена его основ компромиссными доктринами, основанными весьма часто на фантастических и эфемерных понятиях о человеке и Вселенной, которые несомненно окажутся дискредитированными в будущем. В конце концов мы получаем спектакль религиозных догм (даже в сознании сторонников одной и той же великой религии), крайне конфликтующих и противоречащих друг другу. Тогда религия теряет репутацию и способность помочь человечеству. Однако, если бы мы думали в терминах практических наставлений, данных основателями своим личным ученикам, проявилась бы почти полная идентичность исходному учению.

Человек не таков, каким он должен быть. Его жизнь не имеет ни смысла, ни ценности, если принимать во внимание только его нынешнее существование. Он должен взглянуть на то, чего не может, увы, увидеть один, поскольку слеп и нуждается, чтобы ему открыли глаза. Он должен изменить свою жизнь и для этого должен заплатить цену, которая окажется мимолётной и иллюзорной по сравнению с обретением вечного и реального. Он должен родиться заново; но прежде, чем возродиться, он должен сначала умереть. Умереть таким, каков он есть, чтобы стать таким, каким он может быть. И хотя он ничего не может сделать без помощи святых, готовящих путь его следования, его судьба остаётся в его собственных руках и именно его личные труды и жертвы определяют, оправдается ли его выбор. А ещё, он не должен при этом просить о личном спасении, а должен принять полную ответственность за спасение своего соседа. И только это имеет смысл, а иначе жизнь – пустая насмешка.

Я выбирал формулировки этих принципов как можно ближе к тем, которые использовал Гурджиев в своих трудах, но думаю, что совсем не трудно увидеть существенную схожесть их со-

держания с наиболее подлинными из дошедших до нас записей того, чему учили святые своих личных учеников. Расхождения начинают появляться только тогда, когда мы входим в область последующих теологических спекуляций. Я попробую на нескольких примерах показать, в чём состоит истинное учение Иисуса. Я не буду касаться событий его жизни, которые в Евангелии очевидным образом неполны и искажены, но обращусь к его зарегистрированным высказываниям, многие из которых безусловно подлинны. Если внимательно читать Евангелие, преследуя единственную цель – как можно ближе добраться до того, что на самом деле говорил и чему учил Иисус, в нашем сознании начнёт формироваться убеждённость в том, какие положения являются подлинными с любой точки зрения.

Первое из них – проповедь царства и утверждение, что его достижение является единственной значимой целью человеческой жизни. Во-вторых, он настаивает, что достижение царства трудно и возможно лишь для немногих. Настолько трудно, что ученики снова и снова удивляются и спрашивают: «Кто же тогда спасётся?» Нельзя не увлечься простотой доктрины и отсутствием сентиментального оптимизма, овладевшего постепенно христианской мыслью.

Успех и неудача в пути одинаково реальны. Успех только для тех, кто оставляет всё и следует за ним. Потерпеть неудачу – значит погибнуть. Хотя всё обещается тем, кто вверяет себя целиком, не делается никакого предложения любящей руки помощи нерасположенным или трусливым. Тем, кто отдал всё, нечего бояться, но те, кто удержал что-то, даже ради выполнения естественных и очевидных обязанностей, будут отброшены. Чрезвычайна форма заявления: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником. И кто не несёт креста своего и идёт за Мною, не может быть моим учеником». Можно посчитать это экстравагантной чертой литературного стиля автора третьего евангелия, но мы находим почти эквивалентные высказывания в более трезвых записях первого и второго.

Кроме того, избранность, по Иисусу, не гарантирует спасения. «Много званых, но мало избранных». Даже избранный должен заработать своё спасение. В учении имеются также чёткие указания на то, что спасение возможно и для тех, кто не входит в круг избранных: «И придут с востока и запада, и севера, и юга, и возлягут в царствии Божием. Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова, и всех пророков в царствии Божием, а себя изгоняемыми вон».

Чтобы быть спасённым, человек должен приобрести нечто, чем он не обладает от природы. Эта мысль иллюстрируется притчей о талантах, и из неё следует высказывание, появляющееся чаще, чем другие, в трёх синоптических Евангелиях: «...всякому имеющему дано будет, и прибавится у него; а у неимеющего отнимется и то, что он имеет».

Человек – слуга Бога, и это служба сильному хозяину, пожинаящему там, где не сеял и собирающему там, где не разбрасывал. Нельзя не признать, что эти высказывания идентичны по содержанию с доктриной (намеченной в первой главе) о том, что человек создан для особой космической цели, которая может быть достигнута только в том случае, если он будет свободным. Ему дана жизнь и возможность создания себе в этой жизни бессмертной души. Достигнув души, он достигнет вдобавок намного большего. Если же не достигнет, то даже то, что у него есть, то есть его жизнь, будет отнято у него. То же самое иллюстрируется притчей о человеке без свадебной одежды.

Наконец, вряд ли я должен напоминать читателю, что через все Евангелия проходит мысль о сознательной работе и намеренном страдании как о цене вечной жизни.

Спросим теперь себя, что такое христианство: учение Иисуса, изложенное в записях его вы-

сказываний, или институциональное христианство, существующее в наши дни? Как нам следует ответить? Если мы скажем, что истинно второе, мы поставим рассуждения явно склонных ошибаться человеческих мыслителей выше слов того, кого каждый христианин должен считать священной личностью, посланной свыше. Мы не можем спрятаться за аргумент, что евангельское учение неясно и таинственно для понимания простых людей и требует интерпретации вдохновлённых богословов. Нет ничего неясного или таинственного в пассажах, которые я приводил. Единственная трудность для нас в их принятии состоит в том, что они предъявляют требования, кажущиеся выходящими за рамки наших возможностей. А может быть это всё же возможно, просто мы серьёзно не пробовали?

Однако, мы, наверное, должны признать, что в течение почти двух тысяч лет лишь немногие из немногих серьёзно пробовали пунктуально следовать учению Христа. Имеются подлинные письменные свидетельства о великолепных успехах некоторых из этих немногих. Каков результат отклонения христианского мира от бескомпромиссного учения основателя? Мы заменили его множеством сентиментальных глупостей, многое из которых основаны на явно неверном истолковании доктрины опосредованного искупления, создавшем иллюзию того, что спасение уготовано многим, а проклятие – лишь немногим. В результате «христиане» прекратили чувствовать необходимость работы над собой.

То же самое в целом можно (как я и пытался это сделать в начале этой главы) сказать о провале других больших религий, в результате чего во всём мире исчезли интенсивные внутренние усилия, необходимые для работы по самосозиданию.

Теперь я могу возобновить рассказ об учении Гурджиева. Согласно ему отказ от обязательной сознательной работы и намеренных страданий не только проявляется в разрушении данного индивидуума, но бедственно сказывается и на всей человеческой расе в целом. Люди никогда не смогут понимать друг друга и жить в гармонии, пока не устремятся все к цели самосовершенствования. И наоборот, сознательная работа и намеренное страдание индивидуума дают результаты, выходящие далеко за пределы его собственного личного опыта. Слова «Ищите же прежде царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» применимы не только к пище и одежде, но также и ко всему, что действительно необходимо для обычной естественной жизни человека. Работая над собой, человек становится свободным существом, обладающим способностью судить о себе и беспристрастно разбирать любую ситуацию, с которой он столкнётся. Освободившись от собственного эгоизма, он освободится также от внушаемости и зависимости от мнения других. Тогда он в одиночку может оказаться способным стать гражданином мира, в котором действуют огромные силы.

Я уже упоминал, что Гурджиев объяснял войну результатом действия двух независимых факторов, первым из которых является периодическое возникновение состояния напряженности, проявляющееся во внутреннем опыте людей как неудовлетворенность и волнение. Если это волнение примет форму неудовлетворенности собственным существованием и приведёт к росту убеждённости в необходимости поспешить с работой по самосовершенствованию, может произойти ускорение и расширение совершенствования человеческой ситуации в целом. Если же неудовлетворенность направлена к внешним условиям жизни и к другим людям, это может привести только к войне и революции – процессам взаимного разрушения, являющимся самым большим позором человеческой расы.

Трагедия современной религии во всём мире состоит в столь полном игнорировании фундаментальных истин, ясно заявленных святыми, что в настоящее время она перестала быть эффективной силой в жизни человека.

Если цель создания
собственного бытия
может показаться эгоистичной
и потому не совсем достойной того,
чтобы занять
доминирующее положение
в наших жизнях,
этого нельзя сказать
об обязанности
подготовить новое поколение
к человеческому существованию.

Бесцельность нашего существования

В предыдущих главах я имел возможность обсудить различные цели, стремясь к которым человек мог бы осуществить своё право выбора, данное ему при рождении. Первая цель – *быть*. Фундаментальное положение Гурджиева состоит в том, что человек не является человеком, пока не сделает себя таковым. Он – думающее животное, имеющее возможность стать человеком. Он – раб, наделённый достаточной способностью выбора для того, чтобы позволить ему, если он выберет её, достигнуть реальной свободы. Он должен стать свободной независимой личностью. Увидев контраст между тем, чем он является и тем, каким мог бы быть, он может начать испытывать жажду бытия и обретёт хотя бы одну устойчивую, постоянную цель. Для почти всех современных людей такой цели не существует, они даже не подозревают о возможности её существования. Человек живёт и умирает таким, каков он есть, со смутными опасениями и смутными надеждами, без всякой ясности цели и осознания потребности в самосозидании, в создании своего бытия.

Хотя цель создания собственного бытия может показаться эгоистичной и потому не совсем достойной того, чтобы занять доминирующее положение в наших жизнях, этого нельзя сказать об обязанности подготовить новое поколение к человеческому существованию. Я попытался показать, что хотя у большинства родителей и учителей есть желание выполнить эту обязанность, у них полностью отсутствует понимание того, в чём она состоит, и способность её осуществить. Они или пренебрегают всем, что совершенно необходимо для подобающей взрослой жизни, или делают это с таким незнанием и неправильным пониманием, что результаты оказываются противоположными их ожиданиям. Всеобщая беспомощность в подготовке детей к взрослой жизни маскируется постоянно растущей сложностью систем обучения, направленных в действительности почти исключительно на изучение вещей, бесполезных для практической жизни, и скрывающих от людей степень их несостоятельности. Лишь когда случаются явные несчастья, родители охватываются раскаянием по поводу вреда, который они нанесли своим детям. Гораздо более часто вред проходит незамеченным, и родители гордятся жертвами, которые они принесли, чтобы дать детям «хорошее образование».

Поиск истинных знаний о человеке, Вселенной и отношениях между ними – законная и поистине благородная цель, ревностно преследовавшаяся некоторыми людьми в большинстве исторических периодов. Эта цель истинно объективной науки фактически полностью потеряна в наше время вследствие нашей направленности на изучение отдельных деталей и нашей тенденции оценивать результаты в терминах случайных достижений в области технологии. Человек почти полностью потерял интерес к решающим для его благосостояния знаниям: кто он такой, ради какой цели создан, какие средства должен использовать, чтобы суметь выполнить свою судьбу. Цель ответить на вопрос, данный в названии этой книги (для чего мы живем?), может появляться время от времени в умах людей, но как мало тех, для кого это – жгучий вопрос, требующий обязательного ответа.

Кто-то может сказать, что это вопрос, ответ на который надо искать не в знании, а в вере, и что

религия уже ответила, что человек живёт для служения Богу и исполнения его желаний. То есть для поклонения и увеличения собственной святости через поклонение. Многие люди утверждают, что именно отсутствие подобных целей у подавляющего большинства людей ответственно за ту опасную ситуацию, в которую придрейфовало человечество. В предыдущей главе я пытался показать, что ни малейшую ответственность нельзя связывать с теми, кто искажил и размыл собственными вымыслами ясно выраженные и записанные заповеди основателей великих религий. Получилась номинальная религия, равнодушная религия или вообще никакая не религия.

Оставив в стороне цели общего характера, мы можем подумать ещё об особых целях, которым люди могли бы надеяться послужить своей искренностью и неэгоистическими желаниями. Например, ликвидация войн. И в самом деле, многие люди сегодня с пылом и самозабвением берутся лично или через различные общества за выполнение этой задачи.

То, что этот отвратительный для любого мыслящего человека процесс, немедленно приносящий бедствия всем вовлечённым в него людям, беспрепятственно продолжается – тайна, которую нельзя объяснить обычными понятиями. Нашу неспособность предотвращать вооружённые конфликты (войны, гражданские войны, революции), проявляющуюся сегодня, как и в иные периоды человеческой истории, следует рассматривать как наиболее убедительную демонстрацию нашего незнания сил, определяющих судьбу человечества. Если бы всего лишь каждый десятый человек в тех странах, которые испытали в наше время ужас войны, посвятил бы задаче предотвращения войн ту энергию, которую оставшиеся девять отдают самооправданию, изменилась бы вся история человечества. Если те, кто обречён погибнуть в следующей войне, могли бы предвидеть будущее и понять, что их усилиями можно предотвратить войну, может быть они ощутили бы неотложность этой работы. Однако, никто не видит реальности, и цель предотвращения войн остаётся времяпрепровождением горстки чудаков и энтузиастов.

Если все эти великие цели играют такую маленькую роль в человеческой жизни, каковы же тогда доминирующие мотивы среднего человека? Прежде всего, большая часть его дня занята простыми потребностями животного тела – едой, сном и работой по обеспечению себя пищей, одеждой и защитой. В этой части его жизнь не отличается от жизни животных, если сюда не привносится некая дополнительная ценность в терминах внутреннего опыта или расширения своего бытия, чего лишены животные. Животные ищут пищу и едят её; они воспроизводят свой вид и заботятся о молодяке; они остаются своими телами и когда спят, и когда выполняют всю полноту тех функций, которые необходимы для обслуживания общей трансформации вещества, которая согласно учению Гурджиева является целью второго фундаментального способа существования. Человек тоже ест и бывает съеден, обслуживая, как любое другое животное, ту же самую общую цель. Он не может избежать этой цели, и доля полного времени и энергии, посвящаемая ей, почти не зависит от того, является ли он так называемым примитивным дикарем или цивилизованным человеком, азиатом, европейцем или американистом.

Различие между собой и простым животным человек может провести двумя путями. Первый – тот способ, каким он исполняет свои обязательные животные функции, и второй – как он использует время и энергию, оставшиеся в его распоряжении после расходования на обязательные животные потребности. Для начала сравним исполнение основных животных функций. Их можно осуществлять в одиночку, но чаще это делается в семейной обстановке. Как сравнить семью человека с семейством животного? То, что она имеет возможности, далеко выходящие за рамки животного существования, никто не может отрицать, но насколько эти возможности осознаны? В семейной жизни всех живот-

ных почти без исключений, и среди постоянных пар, и среди соединяющихся только на сезон, есть гармония и единственность цели, которые, несмотря на их узость, являются почти полными. Не жалея себя, животные и птицы в брачный сезон посвящают всю свою энергию тяжёлой задаче создания и подготовки следующего поколения. Все наблюдаемые драки, ссоры, нежности и грубости явно служат некоторой биологической цели.

В семьях людей, особенно в «цивилизованных», есть масса неприглядных и отсутствующих или почти отсутствующих в жизни животных особенностей, которые имеют тенденцию уничтожать гармонию и разрушать цель жизни семьи. Ревность, зависть, пристрастность, подозрительность, собственничество, жажда власти, лень, уклонение от ответственности и другие проявления эгоизма проникают в той или иной степени во все отношения людей, в том числе и в родственные. А всё, чем мы больше всего восхищаемся в семейной жизни, например, самопожертвованием вплоть до риска жизнью, разве мы не находим этого у животных, птиц и даже рыб?

Крапивник, самая крошечная птица,
Будет биться с совой:
Её маленькие в гнезде.

Об этом так много и хорошо говорилось, что у человека возникла способность не ощущать или даже не видеть того, что не устраивает его чувство собственного достоинства. Нам достаточно установить, что, пока человеческая семья не будет объединена более высокой целью, чем служить простому животному существованию, она не сможет рассчитывать на ценность более высокую, чем ценность других животных.

Обратим внимание на процесс, обеспечивающий жизненные потребности в пище, одежде и защите. Мы должны отличать его выполнение в виде простой обязанности от его использования в качестве среды для самовыражения и средства самосозидания. Тут и застрял, как заклятый, весь современный мир. Для подавляющего большинства людей их ежедневная работа не является ни тем, ни другим. Она выполняется либо неохотно, либо механически, в силу потребности и ставшей автоматической привычки. У сравнительно немногих, не подверженных принуждению, мотивы к работе, как правило, ещё менее достойны похвалы. Очень большую роль играют личные амбиции и жажда власти или средств удовлетворения различных appetitov. И даже когда, особенно в наше время, они явно не видны, есть тенденция заниматься собственным благополучием как средством заглушить всякую мысль, и особенно, чтобы заглушить возникающий в самой глубине и очень реальный для каждого человека вопрос: «Для чего я живу, и какой цели на самом деле служит моё существование?»

Здесь великолепным образом проявляется наша человеческая способность к самообману. Люди больших способностей, с ясным пониманием цели, для которой они должны были бы использовать свои силы, могут успешно убедить себя, что, создавая большие организации, умножая средства производства материальных ценностей, планируя и направляя жизни тысяч или миллионов других людей, они делают нечто достойное. Если продемонстрировать им, что вся их активность ничего не делает для уменьшения суммы человеческих страданий, для предотвращения бедствий войны, или, более конкретно, для приведения жизни людей к более высокому уровню опыта и понимания, они либо рассердятся, либо станут беспомощно возражать, что ничего лучшего сделать не могут.

Тем временем очень быстро продолжается всеобщая механизация человеческого труда. Исчезает радость от ежедневной работы, неизбежно сопровождаемая возрастанием апатии и безразличия, которые любой из путешествующих по индустриальным странам мира, не может не воспринять с опасением и тревогой. Кроме нескольких маленьких общин, жизнь в которых должна служить напо-

минанием для остальной части мира о потерянной драгоценности, работа как акт поклонения – забытая или высмеиваемая концепция.

Наконец, мы добрались до (так называемых) удовольствий (так называемого) досуга. Уж здесь-то мы могли бы ожидать найти реальный смысл, который следует связать с гордым именем «человек». Выполняя функции, к которым нас обязывает наша животная природа, мы свободны проявить великолепие природы человеческой. Едва ли стоит писать дальше, поскольку читатель, так же как и я, должен иметь горестное представление о том печальном рассказе, который мне предстоит сделать. Как минимум, досуг должен был бы стать счастливой возможностью для конструктивного самовыражения. На деле он должен был бы стать гораздо большим: средством совершения самой почётной работы, к какой только может приложить руки человек, – созданию собственного бытия (существа) и оплаты своего долга Вселенной с тем, чтобы полностью стать пригодным для выполнения надежд своего создателя в качестве активного участника реализации божественной цели.

Что же он делает? Он идёт с работы домой, чаще, чтобы поскандальить в семье, иногда – чтобы подпортить своих детей безнаказанностью, или, возможно, чтобы провести вечер в полусознательном, пассивном состоянии, слушая радио или глядя телевизор, или же выпивая и сплетничая в местном баре. Если он и выходит вообще из дома, то по субботам, чтобы так же пассивно сидеть, наблюдая футбол или испытывать азартное волнение на гонках. Его жена имеет, в любом случае, так мало свободного времени, что вряд ли справедливо спрашивать её, как она его использует. Если вспомнить о тех, кто имеет больше денег и больше досуга, мы увидим их главным образом или бессмысленно и без удовольствия пьющими, или развлекающимися разного рода сексуальными приключениями, вряд ли более приличными, чем в древнем Риме. В лучшем случае они говорят о вещах, в которых ничего не понимают – обсуждают пьесу, которую видели (и которая в любом случае не достойна обсуждения), или книгу, которую читали (и которая в любом случае не была достойна чтения). И всех их независимо от класса объединяет великое современное изобретение для «убийства» времени – кино.

Есть, конечно, действия, противоположные всей этой несчастной пассивности. Некоторые имеют возможность учиться, другие работают в различных организациях, служащих каким-нибудь хорошим целям. Но эти действия только подчёркивают трагичность ситуации – ведь даже те, кого не устраивает бессмысленность их существования, не могут найти занятие, которое было бы конструктивным для их собственного бытия и для улучшения ситуации в жизни людей. Само великолепие их намерений и пыл, с которым преследуются эти якобы полезные цели, служат лишь тому, чтобы продемонстрировать, что в человеке действительно есть нечто стремящееся послужить более высокой цели, чем цели животного существования, и показать, что мы потеряли понимание того, как это надо делать.

Человек страдает от тенденции
к самообману и иллюзиям,
в чём его нельзя винить,
пока он борется против них.
Это наследство перешло к нему
от отдаленных предков.
Фактически оно идёт
от великой трансформации
природы человека,
имевшей место в период
происхождения наших современных рас
от примитивного человека,
существовавшего до последнего
великого ледникового периода.

Чем может воспользоваться человек?

В Евангелии святого Марка написано, что когда Иисус созвал людей и своих учеников, он ясно сказал им, что для того, чтобы жить, надо умереть, и что кто не желает умирать, не может надеяться на жизнь. Затем он задал вопрос, всё ещё остающийся высшим призывом к человечеству: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душу потеряет? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»

Такие слова имеют побольше веса, чем любые моральные увещания тех, кто отрицает, или просто сомневается, что произнёсший их был святым посланником Бога, имевшим задачу вновь открыть путь спасения для человечества. Они свободны интерпретировать эти высказывания как хотят, но тем, кто заявляет о вере в то, что Иисус был божественно вдохновлённым учителем, придётся принять всерьёз и поискать смысл этих сделанных в столь ясных и определённых терминах утверждений. Любой отказ рассматривать их просто и буквально из-за того, что они не вписываются в ту или иную предвзятую теорию о природе реальности, повлечёт ужасные ошибки.

В приведённом пассаже слова *приобретёт* и *потеряет*, составляют антитезу друг другу при точной и определенной ссылке на душу. Таким образом, душа оказывается чем-то, что может быть получено или потеряно. Она – не неотчуждаемая собственность, а нечто, за что надо платить цену (*ανταλλαγμα*) в смысле «нет платы – нет души».

Эта концепция души идёт против концепции, которая стала почти универсальной в греческой мысли в то время, когда эта греческая мысль начала готовить материал для разработки христианского богословия. Греческая доктрина о бессмертной душе была принята, невзирая на ясное свидетельство в наиболее подлинном *logia* Иисуса о том, что это противоречит его учению. Произошло совершенно беспардонное искажение представления о душе, которую стали считать обеспеченной в любом случае и при любых обстоятельствах её вечного существования и, как следствие, вечно подверженной награде или наказанию в соответствии с тем, удалось ли действиям, выполненным в течение жизни, достигнуть некоторого стандарта качества.

Если довести эту доктрину до логического конца, то получится, что каждая душа должна попадать в одну из двух категорий: вечно спасённых или вечно проклятых, а это настолько нелепо, что стало одной из главных причин упадка христианской веры. Лишь в силу полной неспособности ранних систематизаторов христианского учения (зачарованных престижем греческой философии) увидеть смысл того, что ясно было написано в приведённых выше пассажах, они признали их подлинными записями высказываний Основателя, хотя могли бы тогда и не признать.

Для Иисуса, душа была чем-то, что может быть обретено или потеряно; чтобы получать душу, надо было заплатить цену, а именно, понизить статус всех других ценностей. Я уже упоминал пассаж: «Тому, кто имеет, тому будет дано, и приумножится; но кто не имеет, у него отнимут даже то, что он имеет». Я не могу сомневаться в смысле этих слов: «тому, кто оплатил цену и тем самым получил душу, будет дана вечная жизнь. А у того, кто потерял свою душу, будет отнята и та временная жизнь,

которую он имеет».

Я предпринял подобное обсуждение человеческой судьбы, потому что, беседуя и читая лекции на эту тему, я почти неизменно сталкивался с яростным протестом против того, что человек должен создать свою душу собственной работой, и что пока он не сделал этого, он не имеет никакой души вообще. Меня всегда удивляет та страстность, с которой люди настаивают, что они имеют душу, рождённую вместе с ними, и не способную умереть. Если бы они в самом деле имели душу с такими свойствами, это было бы таким драгоценным владением, что забота о ней должна была бы быть их главным занятием, однако люди, настаивающие, что имеют душу, проводят обычно свои жизни в полном игнорировании её потребностей и средств, с помощью которых может быть обеспечено её вечное благополучие.

Редко наблюдается большое различие в поведении тех, кто утверждает, что верит в существование души, и тех, кто отрицает её как устаревшее суеверие. Требование скептика «произведите свою душу и покажите мне, что это такое» никак не сочетается с ним как с человеком, не имеющим в себе ничего постоянного и надежного, не способным управлять своими действиями, пронизанным внутренними противоречиями, и, более того, не способным указать хотя бы один процесс в своём внутреннем опыте или внешнем поведении, который нельзя было бы полностью объяснять в терминах его физического тела и его функций.

Расплата за такие огромные ошибки может быть ужасной, особенно, когда в основе того, что может показаться честной неспособностью понять, лежит совершенно недостойный мотив. Вера в то, что каждый человек автоматически и без усилий со своей стороны является владельцем бессмертной души, возник вместе с мегалантропической ошибкой, о которой я написал в книге *Кризис в человеческих делах*⁹. Импульс веры в бесконечную ценность человеческого индивидуума естественным образом привёл к приписыванию ему признака, поднимающего его над плоскостью обычного смертного существования. Из этого следует, что на ранней стадии развития христианской мысли вера в бессмертную душу и вера в бесконечную ценность человеческого индивидуума возникли одновременно. Они не находят подтверждения ни в одном факте человеческого опыта и никак не санкционируются в учении Основателя христианства. Этим я ограничусь в обсуждении христианского учения, напомним только, что отрицание существования души у человека сразу было неотъемлемой частью учения Гаутама Будды.

Учение Гурджиева о душе просто и ясно. Согласно ему, душа есть последствие действий, выполненных в течение жизни. Если действия человека не имеют никакой цели и значит никакого личного почерка, если они пронизаны несогласованностью и противоречиями и, значит, аннулируют друг друга, если они состоят исключительно или почти исключительно из простых животных автоматизмов, не возникнет никакой души. Ведя такую животную жизнь, человек, как и животное, погибает и разрушается навсегда. Если же человек ставит перед собой цель и борется последовательно за её достижение, результаты его действий кристаллизуются таким образом, что возникает нечто независимое от его физического тела. Это «нечто» является его душой, и степень её законченности и совершенства зависит от качества цели и интенсивности усилий по её достижению.

Я не объяснил ещё различие в использовании слов «законченность» и «совершенство», которое играет большую роль в идеях Гурджиева. Он делит душу на две успешно приобретённые и соот-

⁹ См. Часть 2, «Ошибки мегалантропизма». Буквально мегалантропизм означает «ошибочная вера в прирождённое величие человека».

ветствующие двум весьма различным стадиям внутреннего развития части. В древней традиции человек состоял, вернее, должен был состоять из трёх частей. Они выражались словами, «тело, душа и дух», хотя этим словам придавался смысл, очень далекий от реальности. Святой Павел почти не использует слово «душа», разве что заменяя в разговоре слово «человек», например, во фразе «пусть каждая душа подчинится высшим силам». Вместо этого он ссылается на различные тела, в частности, на тело воскресённое. Он говорит о телах плотском, естественном, и духовном¹⁰ и утверждает, что естественное предшествует духовному. Он, конечно, не утверждает, что духовное тело, то есть тело воскресённое, есть нечто, присущее человеку всегда и естественным образом, а скорее считает его наградой за устойчивую веру и праведную работу. Оно достаётся исключительно тем немногим, кто должен участвовать в Воскрешении.

Я остановился на христианской традиции, потому что вряд ли есть необходимость обсуждать восточные доктрины о высших телах, несущих более высокие функции человека. Западные переводчики восточной литературы, постоянно склонные к некритическому принятию греческого понимания нерушимости души (против которого, кстати, большинство греческих философов имело значительные предубеждения), часто считали само собой разумеющимся и не требующим доказательства утверждение о том, что высшие тела существуют у человека естественным образом, так же, как существует его физическое тело, за исключением того, что они сделаны из более тонкой материи, что даёт им в той или иной степени освобождение от распада, неизбежного для физического тела. Все такие идеи вводят в заблуждение и опасны, поскольку способствуют процессу самообмана, давая пищу приятной мысли, что если уже имеешь что-то бессмертное, надо лишь избегать наносить ему тяжёлый ущерб, и всё будет хорошо.

Забывая о точности и однозначности утверждений, которые содержатся в зарегистрированных притчах Иисуса, мы видим, что вся ситуация проясняется в притче о человеке без свадебного предмета одежды. Свадебный предмет одежды – что-то, чем человек не обладает от природы и должен принять страдания, чтобы подготовить его для себя, а без него невозможно участвовать в свадебном банкете, даже если и приглашён. Высшее тело человека, его бессмертная душа, есть то, чем он не обладает от природы, а должен создать для себя своей собственной сознательной работой и намеренным страданием. Иначе он не сможет участвовать в целях, для которых был предназначен своим Создателем.

Я начал эту главу с разговора о душе, потому что это, видимо, самый простой путь изложения того, что Гурджиев имеет в виду, говоря о человеке как о самосозидающем существе. Чтобы сделать его позицию более понятной, я должен теперь сказать ещё о двух важных элементах его учения. Первый касается природы человека и причин, по которым он способен делать то, чего животное не может. Второй отвечает на неизбежно возникающий вопрос: почему, если человек способен на такие замечательные вещи, только немногие достигают их, а большинство даже нельзя убедить в том, что они существуют?

В главе об образовании я говорил, что по Гурджиеву человек имеет три «ума» и поэтому способен к трём независимым видам опыта – мыслительному, эмоциональному и инстинктивному. Животные имеют один или два «ума»; то есть они могут жить по инстинктам или и по инстинктам, и по эмоциям, но не могут, как возможно для человека, осуществлять одновременно три функции. Хотя

¹⁰ Автор ссылается на английский вариант Евангелия (прим. переводчика)

человек приобретает недоступные животным возможности благодаря мышлению, его инстинктивная и эмоциональная части в равной степени необходимы для процесса самосозидания. Если человек получает свой опыт от своих инстинктов и эмоций и отождествляет своё существование со своим мышлением, он не только становится неуравновешенным, но также теряет контакт с процессами, которые, хотя он и не осознаёт их, оказывают решающее влияние на всё его поведение.

Можно тогда сказать, что человек имеет три личности: одна живёт эмоциями, другая – инстинктами, третья – мыслями. Вместо того, чтобы толковать две подсознательные личности просто как источники беспорядков в работе думающего ума, Гурджиев учит, что они должны быть развиты и перенесены в сознание, что они содержат некоторые способности и могут выполнять некоторые функции, на которые думающий ум сам не способен. В частности, он приписывает уму эмоций важнейшую функцию совести, то есть способность беспристрастного суждения о себе. Думающий ум неизбежно делает суждения в терминах прошлых ассоциаций или путём сравнения с абстрактными стандартами. Это ведёт к ложным представлениям о внешнем добре и зле, выражаемым в виде формул и правил. Единственным вполне надёжным гидом остаётся совесть, которая у среднего человека – главным образом вследствие дефектного образования – захоронена глубоко в подсознательных процессах его эмоционального ума. Это надёжный гид, поскольку берёт начало из более глубокого источника, чем сам человек. Гурджиев называет его в одном из своих трудов Представителем Создателя. Единственный опыт совести, известный среднему человеку – раскаяние, опыт, который должен направлять его к подлинным усилиям «быть». Одна из основных целей работы человека над собой есть пробуждение его совести и получение таким образом способности к беспристрастному объективному суждению.

Работа, предпринятая с целью самосозидания, производит результаты не только во внутренней жизни человека, но также, и притом чрезвычайные, в преобразовании человеческих отношений. Те, кто понял потребность в этой работе, распознают и уважают присутствие в других людях подобного понимания. Взаимная оценка людей перемещается от внешних и часто случайных проявлений к оценке ясности и силы внутреннего желания *стать таким, каким должен быть*.

Эта концепция иллюстрируется с особой силой и яркостью в отношении Гурджиева к причинам войны и средствам её предотвращения. Я писал в первой главе, что он расценивает войну как последствие двух независимых факторов, первым из которых является периодическое возникновение состояния напряжённости, в котором людьми овладевает чувство неудовлетворённости их собственным рабством. На это чувство возможны две полностью противоположных реакции. У человека, понимающего, что причины его рабства лежат в недостатке его бытия, оно должно стимулировать его к более обширным и более настойчивым усилиям по самосовершенствованию. Темп этой работы ускоряется, и в такие периоды становятся возможными важные изменения, касающиеся будущности мира. Они могут произойти, однако, только если это понимание распространено достаточно широко, и достаточно большая доля людей отвечает на чувство неудовлетворённости таким позитивным способом.

Если же, наоборот, причины неудовлетворённости считаются внешними, люди преобразуют своё чувство в импульс страха или гнева. Напряжённость и непонимание растут, и импульс к разрушению кажется потребностью в защите от грозящей опасности или в обретении свободы, несправедливо отнятой другими. Революция, гражданская война или война между нациями становятся тогда неизбежными. Тот же самый процесс проявляется у людей в виде увеличения количества безумств, самоубийств и разводов, а также в распространении извращённых пороков.

Когда человеческая ситуация предстаёт в таком свете, возникают различные вопросы, которые по сути являются одним вопросом. Мы должны прежде всего спросить, почему, если процесс самосозидания является настолько простым, а его плоды ценнее всего возможного в обычной жизни, люди не только не распознали это, но оказались неспособны принять и жить соответствующим образом даже тогда, когда им показали путь. Мы можем также спросить, почему, если причины войны действительно лежат в неспособности людей ответить на чувство неудовлетворенности увеличением усилий, почему эти причины, наоборот, проявляются внешне в виде возникновения людей с дурными намерениями, ищущих власти ради их собственных эгоистичных целей? И, прежде всего, почему, если люди могут делать огромные и стабильные усилия для достижения любой видимой цели, они совершенно неспособны делать соответствующие усилия для их собственного благополучия и благополучия их собратьев? Почему вопрос «какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душу потеряет?» оставляет огромное большинство людей неподвижными и безразличными?

Ответ, который Гурджиев даёт на последний вопрос, настолько фундаментален, что его можно понять только путём тщательного и настойчивого изучения его трудов. В определённом смысле это реконструкция доктрины первородного греха, которая после её переформулирования, устраняет возражения, делавшие её до настоящего времени столь трудной для понимания и принятия. Человек страдает от тенденции к самообману и иллюзиям, в чём его нельзя винить, пока он борется против них. Это наследство перешло к нему от отдалённых предков. Фактически оно идёт от той великой трансформации природы человека, что имела место в период происхождения наших современных рас от примитивного человека, существовавшего до последнего великого ледникового периода.

Эти примитивные расы, примером которых может служить неандерталец, имели три ума и, значит, были существенно отличны по своей природе от животных с двумя или только одним умом. Они были способны поддерживать своё существование, переживая ужасные изменения климата и другие опасности древнего мира, потому что их думающий ум дал им способность адаптации, которой никакое животное не обладало.

Согласно космологической концепции Гурджиева, имелись определённые причины, связанные с экономикой солнечной системы, и в частности, с отношениями между Землей и Луной, которые сделали необходимым, чтобы в течение очень длительного периода времени человеческий мозг использовался только в целях эффективности животного существования. В некий момент времени эта необходимость отпала, и для человека стало возможным занять надлежащее место в космической экономике в качестве самосозидающего существа, способного избавиться от своей животной природы. Это изменение произошло не в результате процесса слепой адаптации – 200 000 лет статического существования предполагают, что это было невозможно – а сознательным вмешательством с более высокого уровня. Гурджиев предполагает, что был удалён некий орган, существовавший в далёких предках человечества, и человек был восстановлен в своей способности выбора и способности понять свою природу и реальную судьбу.

С удалением этого органа появились предшественники наших современных рас, чьи скелеты показывают, что развитие их физических характеристик – и, прежде всего, вместимости их черепа – полностью совпадают с характеристиками современного человека. Исследования показывают, что преобразование происходило в течение нескольких тысяч лет – чрезвычайно короткого времени по сравнению с огромным периодом статического существования, который ему предшествовал. Тогда с потрясающей внезапностью в мире появились высокие светловолосые расы, невысокие расы с коричневыми волосами и негроидные расы, отличавшиеся большим умом, а некоторые – такими

способностями и навыками, что вызывают удивление, когда узнаешь об их достижениях. Палеолитическое искусство, иллюстрируемое пещерными картинками, особенно Альтамиры (Altamira) и Ласко (Lascaux), отличается таким реализмом и глубоким чувством, которым едва ли можно найти эквивалент в любом последующем периоде. Эти люди, должно быть, и выполнили чудеса одомашнивания животных и создания языка. Они заложили основы современного мира.

Если бы преобразование *Homo neanderthalensis* в *Homo sapiens* было внутренне полным настолько, насколько оно было полным во внешних проявлениях, вся последующая история мира была бы иной. Согласно исследованию Гурджиева, содержащемуся в его системе, это преобразование было дефектным в одном важнейшем аспекте: орган, который предохранял примитивного человека от возможности быть больше, чем думающее животное, был действительно удалён, но стиль поведения, развитый бесчисленными поколениями за то время, когда он действовал, стал наследием, от которого недавно освобождённые расы могли бы избавиться только сознательными усилиями.

Эти усилия не были сделаны или, по крайней мере, не были сделаны успешно. После этого следующие поколения остались подчинёнными тенденции придавать неуместную важность своей животной жизни и игнорировать новое наследство, которое они приняли. Уже не являясь думающим животным по необходимости, человек начал развивать механизм самооправдания, посредством которого он мог бы использовать свои новообретённые полномочия для недостойных целей, не испытывая при этом упрёки совести.

Так началась и всё продолжается бедственная ситуация, в которой человечество не выполняет надежды, возлагавшиеся при его создании. «Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их»¹¹

Будучи предоставленным самому себе в этой неудачной ситуации, человечество неизбежно вновь впадо бы в предыдущее состояние дикости, и исчезла бы всякая возможность выполнения своей судьбы. В соответствии с желанием всесправедливого и всемилостивого Создателя, святые успешно воплощались в человеческом образе с целью показать человечеству по возможности путь к спасению. Это случалось не один, а много раз, и каждый раз иная фундаментальная концепция служила основанием их учения. Согласно древней традиции, которую Гурджиев разделяет, был один период, в котором задача была очень близка к успешному выполнению, когда в течение некоторого времени большая часть мира жила с пониманием того, что человек должен искать его собственную совесть и стремиться жить в согласии с ней. Это был легендарный Золотой Век, о котором не сохранилось никаких записей, только неопределённые слухи, значимые лишь своей распространённостью во всех традициях всех рас человечества. Святые предстают как движимые бесконечным состраданием к мукам человечества, но в силу факта воплощения в человеческой форме они сами не были свободны от возможных ошибок. Тем не менее, лишь их трудами осталась открытой возможность вернуть человечество к своей высшей судьбе – стать источником самосовершенствующихся индивидуумов, способных, в свою очередь, служить целям их Создателя.

В этом отношении всё учение Гурджиева чрезвычайно важно и значимо. Оно добавило моему сознанию один обязательный элемент, без которого не была бы возможной никакая убедительная интерпретация человеческой ситуации.

¹¹ Евангелие от Матфея, 13:15.

В заключение я должен, вероятно, сделать краткое представление концепции вечности, к которой я пришёл, исходя главным образом из физических соображений. Она основана прежде всего на исследовании характера процессов, протекающих во времени, и очевидной универсальной справедливости так называемого Второго закона термодинамики. Наблюдаемый факт, что всё существующее во времени подчинено требованию точного регулирования постоянства суммарного количества энергии, существующей во Вселенной, – приблизительно так же происходит и в любой полностью замкнутой системе, – должен вести к принятию механического детерминизма, в котором исключена возможность свободы выбора. Следующее наблюдение состоит в том, что всё существующее во времени подчинено процессу неизбежной деградации и финального распада, который (хотя теоретически и обратим, но лишь с исчезающе малой степенью вероятности) добавляет в механическую картину оттенок безнадежности.

Не всё, что случается, обязано случиться, но оно вынуждено при этом произойти таким образом, что полностью исчезают различия, благодаря которым только и возможно придать значение происшедшему. Я не вижу иного спасения от этого вывода, кроме введения постулата о более широкой реальности, в которой может быть восстановлена необходимая степень свободы. Такая реальность может быть получена просто и, я думаю, адекватно в концепции вечности, как пятом измерении, в котором действие законов термодинамики полностью противоположно. Это разрешает нам представить несколько различных уровней, из которых только последний полностью определён и полностью подчинён наблюдаемым термодинамическим законам. Только этот уровень открыт нашим органам чувств, которые обеспечивают всю полноту данных для естественных наук.

В нашем сознательном опыте есть убежденность в том, что мы можем освободить себя от детерминистского процесса; это подразумевает акт творения, поскольку промежутки в причинной последовательности, необходимые для обеспечения свободы, могут быть заполнены только путём создания чего-то, чего там нет. Эта мысль, если довести её до логического конца, приводит нас к допущению уровня вечности, в котором причинная связь полностью исчезает и заменяется ситуацией, где единственным законом является свободная творческая деятельность.

Гурджиев не вводил слово вечность точно в том смысле, в котором использовал его я, но его доктрина об уровнях бытия полностью соответствует тому, что может быть сформулировано в терминах взаимопроникновения времени и вечности. Он часто использует термин «Свыше», и поясняет, что подразумевает царство бытия, в котором свобода достигает наивысшей степени, возможной в пределах сотворённого мира. Существа, которые могут существовать на этом уровне, – священные индивидуумы, чья задача состоит в исполнении наивысшей из всех возможных функций – в спасении Вселенной от неизбежных иначе последствий существования во времени.

На высшем уровне он размещает Создателя, бесконечно справедливого и бесконечно любящего, но связанного, однако, необходимостью разрешать ради собственной непостижимой цели любые действия в рамках тех законов, которые определяют само существование созданной им Вселенной.

При помощи этих концепций мы можем ответить на вопрос «Для чего мы живем?» в терминах, которые могут удовлетворять наши умы не меньше, чем наши чувства. Имеется космическая цель, которая может обслуживаться только свободными существами. В каждом из нас посажено свыше семя свободной индивидуальности. Перед нами выбор: рабство по отношению к тому, что ниже, или служение тому, что выше. Рабство есть нищета, и принятие рабства означает полное и окончательное разрушение. Свобода – не только самая большая удача, но также и единственное состояние, в котором мы можем послужить нашим собратьям и выполнять цель, для которой мы созданы. Однако,

цена свободы есть сознательная работа и намеренное страдание, то есть неумолимая борьба с нашими собственными дефектами и слабостями и жертвование всеми меньшими целями. Если мы принимаем в качестве цели достижение свободной индивидуальности, мы должны не забывать слова Упанишад: «Ни по описанию нельзя найти Самость, ни раздумьями, ни обширным обучением. Только тому, кто делает это единственной целью Самость показывает свою истинную природу. Тот, кто не прекратил неправильные действия, кто не обрёл мир внутри, кто не готов, и чей ум не спокоен, не может получать знание этой Самости. Только мудрое учение и правильно направленные усилия могут вести к её достижению. Если учит плохой человек, её нельзя понять никакими умственными усилиями. Если записать слова хорошего учителя, ничего не получится, потому что её тонкость превышает тонкость мысли».

Бесполезно ставить перед человеком высокие цели и великие задачи, превышающие его текущие возможности, не показав ему при этом способ обретения понимания и силы, которых ему не хватает. Высшие достоинства учения Гурджиева состоят, с одной стороны, в придании полного веса человеческой немощи и, с другой, – в том ясном и практическом руководстве, которое оно предлагает на каждой стадии пути к тому изменению природы человека, необходимость которой я стремился показать.

Кто такой Гурджиев?

Те, кто интересуется подобными вещами, уже много лет знают, что на Запад пришёл учитель в лице человека, получившего доступ к источнику знаний, проигнорированному предыдущими западными исследователями. Поскольку ничего подлинного и, вообще, очень мало чего-либо печаталось об учении Георгия Ивановича Гурджиева¹², он и его труды вызвали много слухов и массу недоразумений. На эти слухи и недоразумения он не обращал никакого внимания и продолжал работать с маленькой группой постоянных последователей и с несколько большим кругом студентов, периодически готовивших в личном контакте с ним то, что он всегда объявлял своей конечной целью, – публикацию его открытий для пользы мира.

Недавно он решил, что пришло время предпринять этот решающий шаг, и те из нас, кому повезло воспользоваться его личным обучением, ответственные за то, чтобы, насколько это возможно, донести важность всего, к чему мы пришли в связи с его учением, до тех, кому они вскоре будут адресованы.

Гурджиев уже проводил свой восемьдесят третий день рождения. То, что он – человек огромных знаний и ещё большего могущества, не сможет подвергнуть сомнению никто из тех, кто входил в личный контакт с ним. Его неутомимая готовность помочь в тяжёлую минуту не только в духовных, но и в физических проблемах, – достаточная демонстрация его любви к товарищам. Его стойкость к экстремальным физическим страданиям и безразличие к внешним условиям жизни, часто тяжёлым во всех отношениях – признак внутренней силы, которая реально ощущается во всём, что он делает. Пока это всё, что я хотел сказать.

Очень немногие из его исследований и методик, благодаря которым он достиг бесспорно великих знаний не только о скрытых возможностях человека, но и о путях их развития, были обнародованы. Гурджиев родился на Кавказе [в Советском Союзе] в старой греческой семье, которая эмигрировала более сотни лет назад из одной старинной греческой колонии Малой Азии. Начиная с раннего детства он имел возможность встречаться со многими замечательными людьми, из контактов с которыми он сделал вывод, что в представлениях европейской науки и литературы о человеке и текущем мире отсутствует нечто жизненно важное, которое он решил изучить. Он получил образование с целью стать врачом или священником, но неудовлетворённость ограниченностью своего образования, как медицинского, так и теологического, заставила его искать себя.

С группой людей, главным образом, намного старше его, он путешествовал много лет во многих частях Африки, Азии, и Дальнего Востока, и в конце концов достиг мест, о самом существовании

¹² В 1949 году – когда писалась эта книга – Гурджиев был ещё жив и его книги не были ещё напечатаны.

которых не подозревали более ортодоксальные исследователи. Я не в праве сказать что-нибудь о том, где он был, и что нашёл. Он сказал, что намерен обнародовать это во второй серии трудов; они станут доступными только после публикации первой серии, возможности которой обозначены названием *Объективно Беспристрастная Критика Жизни Человека*.

Первая стадия жизни-работы Гурджиева была завершена в ранних годах нашего столетия, когда он нашёл знание, которое искал, и решил, как его использовать. Вторая стадия была периодом, длиной более сорока лет, когда он экспериментировал и проверял методы передачи этого знания, чтобы найти форму, наиболее подходящую требованиям современного мира. Я впервые встретил его в 1921 году в Константинополе, куда он прибыл с Кавказа с маленькой группой своих личных учеников. Он там демонстрировал, среди прочего, методы работы с использованием гимнастических упражнений, профессиональных ритмов и священных танцев, которые с незапамятных времён использовались в некоторых азиатских странах, чтобы помочь гармоничному развитию сил, скрытых в человеке. Мой первый контакт с ним и его идеями убедил меня в том, что я свидетель проявления новой и живой силы.

В 1922 он основал около Парижа свой Институт Гармоничного Развития Человека в Château du Prieuré в Fontainebleau. Многие люди, главным образом англичане, приезжали в этот Институт на короткий или более длинный период в течение 1923 и 1924 годов. В 1924 он посетил Америку, чтобы организовать там отделение Института и провести демонстрации движений, составлявших важную часть из его метода работы. По возвращении из Америки, ужасная автомобильная катастрофа, от результатов которой, я верю, умер бы любой обычный человек, вынудила его прекратить работу Института. По различным причинам, он решил отказаться от плана передачи своих идей путём персонального обучения и широкомасштабных демонстраций и вместо этого посвятил себя реализации их в серии трудов; исключительно этим он занимался до 1930.

С 1930 до начала Второй Мировой войны он был частично занят написанием трудов и частично – обучением маленьких групп учеников во Франции и Соединенных Штатах. В течение последней войны, он был в Париже, где продолжил свою работу в условиях серьёзных личных трудностей. Это продолжалось до 1948, когда он решил, что пришло время для возобновления своих больших планов; он снова начал собирать вокруг себя не только личных учеников, но также и тех последователей его идей, кто подобно мне, стремился понять и применить его учение без преимуществ его личного руководства.

С этого шага началась третья стадия работы Гурджиева: реализация его первоначального намерения сделать свои идеи доступными всему миру.

Этот краткий обзор учения Гурджиева и его работы не был бы полон, если бы я не сделал некоторую ссылку на экстраординарные слухи, которыми он был окружен. Он – человек, полностью безразличный к дружественному или враждебному мнению о нём других людей. Не только поэтому, но и по причинам, очень часто непостижимым, даже по отношению к тем, кто был в близком контакте с ним, он внешне выходил из себя, возбуждая антагонизм и вызывая непонимание. Часто случалось, что только намного позже становились очевидными причины, вызывавшие такие действия. Для тех, кто понимает, что его учение содержит нечто обязательное для их благополучия, и что без него они не могут надеяться достичь цели своего существования, трудности, которые оно помещает на пути продвижения, представляют малую и легко оплачиваемую цену. Тем, кого они очень страшат, я могу только сказать, что каждое великое учение воспринималось вначале как камень преткновения и глупость.

Всё это применимо к первой серии трудов Гурджиева, которые будут изданы под названием *Объективно Беспристрастная Критика Жизни Человека или Рассказы Вельзевула Своему Внуку*. Для тех, кто усердно и без предвзятости изучит эти труды, они содержат средства приобретения точки зрения, необходимой для правильного понимания человеческой ситуации. Они также – хотя и в форме, требующей одновременно настойчивости и определённости – содержат систему мышления, которая по величеству концепции и конкретности практического применения совершенно отличается от спекуляций, теорий и догм, по которым человечество стремится жить сегодня.

Bibliography of J. G. Bennett

- Concerning Subud*. London: Hodder and Stoughton, 1960.
- The Crisis in Human Affairs*. London: Hodder and Stoughton, 1954.
- Creative Thinking*. Charles Town, W.V.: Claymont Communications, 1989.
- Deeper Man*. London: Turnstone Books, 1985.
- Dramatic Universe, The. Vol. 1, The Foundations of Natural Philosophy*.
Abridged by Eric Mandel. Charles Town: Claymont Communications, 1987.
- Dramatic Universe, The. Vol. 2, The Foundations of Moral Philosophy*.
Charles Town: Claymont Communications, 1987.
- Dramatic Universe, The. Vol. 3, Man and His Nature*. Charles Town: Claymont Communications, 1987.
- Dramatic Universe, The. Vol. 4, History*. Charles Town: Claymont Communications, 1987.
- Enneagram Studies*. York Beach, Maine: Weiser, 1983.
- Energies—Material, Vital, Cosmic*. Charles Town: Claymont Communications, 1989.
- Gurdjieff: A Very Great Enigma*. York Beach: Weiser, 1983.
- Gurdjieff: Making a New World*. New York: Harper and Row, 1976.
- How We Do Things*. Charles Town: Claymont Communications, 1989.
- Hazard: The Risk of Realization*. Santa Fe, NM: Bennett Books, 1991.
- Is There "Life" on Earth? An Introduction to Gurdjieff*. Santa Fe: Bennett Books, 1989.
- Idiots in Paris (with E. Bennett)*. York Beach, ME: Weiser, 1991.
- Intimations: Talks with J. G. Bennett at Beshara*. New York: Weiser, 1975.
- Journeys to Islamic Countries. Vols. I & 2*. Sherborne: Coombe Springs Press, 1977.
- Long Pilgrimage: The Life and Teaching of Sri Govindananda Bharati, Known as the Shivapuri Baba*.
California: Dawn Horse Press, 1983.
- Masters of Wisdom*. London: Turnstone Press, 1980.
- Needs of a New Age Community: Talks on Spiritual Community and Fourth Way Schools*.
Santa Fe: Bennett Books, 1990.
- Sacred Influences: Spiritual Action in Human Life*. Santa Fe: Bennett Books, 1989.
- Sevenfold Work, The*. Charles Town: Claymont Communications, 1979.
- Sex*. York Beach: Weiser, 1989.
- A Spiritual Psychology*. Lakemont, Georgia: CSA Press, 1974.
- The Spiritual Hunger of the Modern Child (with others)*. Charles Town: Claymont Communications, 1984

Sufi Spiritual Techniques. Ellingstring, England: Coornbe Springs Press, 1982.

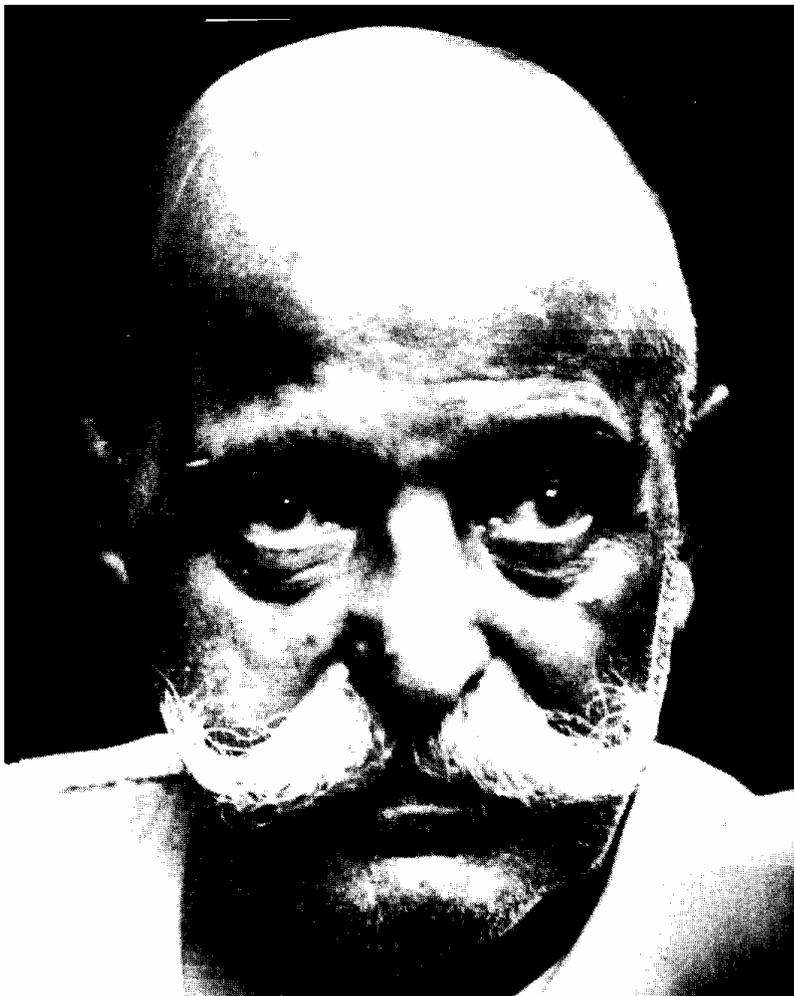
Talks on Beelzebub's Tales. York Beach: Weiser, 1988.

Transformation. Charles Town: Claymont Communications, 1978.

Way to Be Free, Tbe. New York: Weiser, 1980.

What Are We Living For? Santa Fe, NM: Bennett Books, 1991.

Witness: The Autobiography of John G. Bennett. Charles Town: Claymont Communications, 1983.

Георгий Иванович Гурджиев, 1949